КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при
СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР
Школа № 101

СЕКРЕТНО
Экз.№

Учебный материал

Подполковник А.А.ФАБРИЧНИКОВ
Майор А.М.ДАНИЛИН

"С О В Е Т Н И К"

Обзор по теме "Вербовка под чужим флагом"

Кафедра специальной дисциплины I

Москва – 1965

ВВЕДЕНИЕ

Осложнение в последние годы агентурно-оперативной обстановки в ряде капиталистических стран, активизация деятельности специальных служб противника против советской разведки настоятельно требуют от каждого чекиста, работающего в разведке, непрерывно совершенствовать методы и формы оперативной работы и не только изыскивать новые пути проникновения к секретам противника, но и творчески применять уже известные, опробированные длительной разведывательной практикой советской разведки формы и методы.

Настоящий обзор посвящен рассмотрению вербовки под чужим флагом - сложного, но результативного метода разведывательной работы. Умелое применение этого метода нашими сотрудниками несомненно повысит эффективность и оперативный уровень деятельности советской внешней разведки.

Работая над обзором, авторы ставили своей задачей рассмотреть в нем наиболее сложные в оперативном отношении вопросы, возникавшие перед нашими работниками при вербовке под чужим флагом, и показать, как они решались ими. По мнению авторов, к таким сложным вопросам относятся: подбор агента-вербовщика и его ввод в разработку интересующего нас объекта, выбор флага и вербовка объекта от имени иностранной разведки, перевод завербованного "иностранной разведкой" агента на сотрудничество с органами государственной безопасности Советского Союза.

Следует отметить, что этот последний этап вербовочной разработки под чужим флагом является наиболее острым

и трудным и требует весьма скрупулезного подхода. Не всегда и не каждого завербованного под чужим флагом агента нужно переводить и можно перевести на прямое сотрудничество с советской внешней разведкой. Чаще приходится все время работать с агентом под чужим флагом, что, конечно, создает дополнительные, а иногда и серьезные трудности. Поэтому там, где целесообразно и есть благоприятные условия, следует стремиться к тому, чтобы перевести агента на прямое сотрудничество с нашими органами государственной безопасности. Лучше всего, когда такой переход подготавливается в процессе работы с агентом под чужим флагом.

Описываемые в обзоре мероприятия по вербовке "Советника" под флагом западногерманской разведки и перевод его на прямое сотрудничество с советской разведкой не являются идеальными. В этом деле можно было идти к достижению цели и другими путями. Однако и то, что было осуществлено оперативными работниками, дало положительные результаты.

Если обзор по делу агентурной разработки "Советник" вызовет интерес у оперативных работников, даст толчок для творческих поисков и в какой-то мере привьет вкус к таким острым и сложным мероприятиям, как вербовка агентуры под чужим флагом, авторы будут считать, что они выполнили поставленную перед ними задачу.

Когда майор Павловский принял дело "Советник", объект имел ранг легационного советника 2-го класса[x] и являлся одним из руководящих чиновников в том самом отделе ведомства по иностранным делам канцелярии президента Австрии[xx], где он начинал свою дипломатическую карьеру. "Советник" имел непосредственное отношение к подготовке и разработке вопросов внешнеполитических отношений между Австрией и Советским Союзом.

Павловский внимательно читал дело "Советник". Первым в нем было подшито донесение агента "Шнейдера" от 24 марта 1954 года о том, что в ведомстве по иностранным делам появился новый чиновник Ганс Адольф Баумгартен, принятый на службу по протекции помощника министра иностранных дел "Крюгера". Затем следовали донесения источников "Зета", "Циниска", "Нордполя"[xxx]. Сначала сообще-

---

[x] Легационный советник 2-го класса (от немецкого Legationsrat 2 Klasse) или советник миссии - дипломатическое звание чиновника министерства иностранных дел Австрии и Западной Германии. Лица с таким званием обычно занимают средние руководящие должности, до заместителей заведующих отделами. Как правило, это хорошо информированные работники, при выездах на работу в заграничные представительства работают чаще всего советниками посольств и миссий.

[xx] После парламентских выборов в Австрии в 1959 году было образовано министерство иностранных дел, и отдел, в котором служил Баумгартен, стал называться 6, или восточным отделом.

[xxx] Все фамилии и клички упоминаемых в обзоре лиц в интересах конспирации изменены.

ния были краткими, с указанием только отдельных установочных данных на Баумгартена, затем объем агентурных материалов увеличился. Каждый агент давал свою характеристику Баумгартену, которая зависела не только от того, как тот или иной источник относился к новоиспеченному дипломату, но и от того, в каких отношениях он находился с Баумгартеном. Но не было ни одного источника, который не упоминал бы, что новому чиновнику по фамилии Баумгартен протежирует помощник министра. Такие вещи в среде чиновников распространяются быстро и становятся темой для разговоров и пересудов. Распространявшиеся в ведомстве иностранных дел слухи о Баумгартене дополнялись фактами, изобиловали подробностями, иногда даже пикантными. Но и в сплетне, как известно, если она не заведомо злостная, есть всегда доля истины.

В конце концов, из сообщений многих источников удалось выбрать то, что было действительно интересным, нужным и что послужило основанием для вербовочной разработки "Советника". Это главное укладывалось в несколько строк: "Советник" женат на младшей сестре жены помощника министра, на правах родственника он вхож в его дом, где часто собираются руководящие работники ведомства по иностранным делам, высшие чиновники других государственных учреждений Австрии, иностранные дипломаты. Отец "Советника" является выходцем из Баварии, где проживают его родственники. Сам "Советник" тяготеет к Германии, хотя открыто своих симпатий не проявляет. К СССР относится без антипатии. Жена "Советника" Анна-Луиза любит хорошо одеться, стремится не только подражать сестре в нарядах, но и перещеголять ее, капризна, в семье играет главную роль. "Советник", будучи не в силах удовлетворить чрезмерные потребности жены, почти не вылезает из долгов".

Павловский внимательно вчитывался в документы, делал пометки в рабочей тетради. Ему было ясно, что, будь он на месте оперативных работников, которые ранее вели дело, и он обратил бы внимание на этого рядового чиновника. Реальная поддержка влиятельного родственника, перспективы продвижения по службе, связи среди государственных служащих страны - все это давало повод серьёзнее заняться молодым дипломатом.

Оперативные работники так и поступили. Они подвели к "Советнику" агента "Нордполя", который работал в том же ведомстве по иностранным делам и имел реальную возможность для сближения с "Советником". Агент "Нордполь" отличался редким качеством - умением с таким вниманием слушать собеседника, даже самого болтливого, и с таким сочувствием и пониманием относиться к его сетованиям и переживаниям, что невольно вызывал к себе симпатии у каждого, кто с ним разговаривал. Сумел он расположить к себе и "Советника", который стал делиться с ним даже семейными неприятностями, возникавшими из-за материальных затруднений.

Изучение "Советника" велось и через других агентов, но они мало что давали дополнительно к тому, что поступало от "Нордполя".

Просматривая донесения "Нордполя" и других источников, Павловский обратил внимание на то, что "Советник" изучался однобоко. Фактически было выяснено его материальное положение и все, что с этим связано: взаимоотношения с женой, суммы долгов, отношение к сослуживцам, дававшим "Советнику" деньги в долг, и т.п.

Поэтому Павловский не был удивлен, когда в рапорте прочитал, что "Советник" "будет вербоваться на материаль-

ной основе". Но вербовка сорвалась: "Советник" отказался от сотрудничества с советской внешней разведкой.

Почему "Советник" не пошел на вербовку? Чего не учли наши оперативные работники, проводившие с ним вербовочную беседу? Стоит ли продолжать работу по делу "Советника" или сдать его в архив? Павловский пытался найти ответ на эти вопросы, но безуспешно.

Отчета о несостоявшейся вербовке в деле не было. Вместо него в деле был рапорт с предложением о прекращении вербовочной разработки.

И все-таки после тщательного анализа материалов дела Павловский пришел к выводу или, лучше сказать, сделал предположение, что работники, пытавшиеся вербовать "Советника", не нашли правильной вербовочной основы или неверно использовали фактор материальной заинтересованности для склонения "Советника" к сотрудничеству с нами. Павловский не исключал и того, что отказ "Советника" мог быть вызван тем, что предложение о сотрудничестве исходило от советской разведки. Наконец, могло быть и так, что "Советник" по своему характеру и взглядам был против сотрудничества с какой бы то ни было разведкой вообще.

Павловский считал, что крайне необходимо найти ответ на мучившие его вопросы. Более того, он был убежден в том, что разработку "Советника" надо продолжить. Но убежденность еще не доказательство. Нужны были факты, подтверждающие мнение Павловского, без чего бессмысленно было бы ставить вопрос о продолжении разработки "Советника".

Первое подтверждение пришло из резидентуры, откуда поступил список сотрудников Министерства иностранных дел на 1960 год, из которого явствовало, что "Советник" является руководящим сотрудником восточного отдела. Таким

образом, служебное положение "Советника" давало основание говорить о целесообразности продолжения работы по его делу.

Однако одно это обстоятельство не давало повода для положительного решения вопроса. Прийти к такому решению можно, только проанализировав причины срыва вербовки. Единственным надежным источником, который мог бы внести ясность в дело, был один из работников, проводивших вербовочную беседу с "Советником". Найти его, к счастью, не представляло большого труда. Это был капитан Соколов. Он работал в одном из подразделений Комитета государственной безопасности в Москве и быстро откликнулся на просьбу Павловского проинформировать его по делу "Советника". Рассказывая о вербовке, Соколов отметил, что он и его товарищи сделали просчет в одном очень важном вопросе. Увлекшись материальной основой, они просмотрели политическое лицо "Советника". А оно было не таким простым, как могло казаться из агентурных материалов его дела.

В письменном отчете о несостоявшейся вербовке "Советника", который капитан Соколов подготовил по просьбе Павловского, он отмечал: "Однобокий подход к изучению "Советника" почувствовался в ходе вербовочной беседы с ним, которая проводилась в ресторане "Цур линде" в Вене. На наше предложение оказывать помощь Советскому Союзу за денежное вознаграждение "Советник" не без ехидства ответил: "Мне действительно нужны деньги, и вы весьма преуспели, выяснив это обстоятельство. Но почему вы так уверены, что мне все равно, от кого их получать? Я уважаю вашу страну, но люблю не ее. А это вещи разные. Не так ли?".

С этими словами "Советник" подчеркнуто учтиво раскланялся с нами и вышел из ресторана. Нам с товарищем не оставалось ничего другого, как расплатиться за дорогую сервировку стола и последовать за ним.

После провала я долго думал над этой разработкой. Ведь провал не меньшая, если не большая, школа для любого оперативного работника, чем успех. По-моему, мы еще и поспешили. Надо было, пожалуй, втянуть "Советника" через "Нордполя" не только в долги, но и в работу, то есть получить от него информацию, а потом встречаться с ним с "уликами" в руках. Но тогда мы этого недооценили. Нам все казалось очень ясным: мы ему - деньги для удовлетворения потребностей жены, он нам - информацию. Кто откажется от денег, тем более не малых?! Были такие люди, которых мне самому приходилось вербовать на материальной основе, работали хорошо, без обмана. А вот с "Советником" сорвалось".

Информация капитана Соколова существенно дополнила представления Павловского о "Советнике". Теперь, кажется, можно было подумать и о возобновлении разработки "Советника".

Что было "против"? Срыв вербовки, отказ от сотрудничества с нами, приверженность Западу. Значит, заново вербовать его от имени советской разведки было бесполезно. Повторилось бы старое.

Что "за"? Положение в МИДе, в отделе, к которому наверняка тянут руки немцы, поговаривающие о новом "аншлюсе". В такой обстановке руководитель западногерманской разведки Рейнхард Гелен должен быть заинтересован в получении информации о взаимоотношениях Австрии с нашей страной. И нам тоже не мешает иметь в этом отделе своего "контролера", а если потребуется, то и помеху для немецких планов. Ради этого стоило потрудиться.

Проверяя свои выводы, изыскивая пути для подхода к "Советнику", Павловский снова и снова возвращался к своим записям. В справке капитана Соколова он красным карандашом

подчеркнул: "Мне не безразлично, от кого брать деньги... Я уважаю вашу страну, но люблю не ее".

В этих словах "Советника" Павловский видел разгадку срыва его вербовки, а также путей, которыми следовало идти, чтобы привлечь "Советника" к сотрудничеству.

"Не вызывает сомнения тот факт, - размышлял Павловский, - что "Советник" клюнет на деньги. Значит, материальная основа должна остаться. Но нельзя не считаться с тем, что от советской разведки денег он не возьмет. Тогда от кого же? Австрийцы исключаются. От американцев? Но материалы дела говорят, что американцев он не уважает, как, впрочем, англичан и французов, которых он считает оккупантами его страны. Следовательно, остаются только немцы. В сообщениях агентуры отмечается, что "Советник" тяготеет к Германии. На чем основано это тяготение? Только ли на том, что отец его является выходцем из Баварии, или есть и другие моменты личного, политического или иного порядка, которые связывают "Советника" с Германией? И с какой Германией: Западной или с Германской Демократической Республикой?"

Найти в деле "Советника" ответы на все эти вопросы было пока невозможно. Дать их могла только дальнейшая разработка "Советника", его дополнительное изучение.

Такая задача и была поставлена перед резидентурой, которая возобновила работу по этому делу и за полгода сумела собрать материал, существенно пополнивший имеющиеся у нас данные о "Советнике".

Стало известно, что его отец Фридрих Пауль Баумгартен - уроженец Баварии, в прошлом принадлежал к разорившейся юнкерской семье, в период первой мировой войны в звании лейтенанта находился на восточном фронте, а после ранения

проживал в небольшом баварском городишке и служил торговым агентом какой-то фирмы. В одну из своих поездок в Зальцбург он познакомился с Маргарет Фрелих, на которой через несколько месяцев женился. Она была дочерью местного священника-германофила, которому приглянулся отставной офицер армии германского Кайзера Вильгельма не столько своей внешностью, сколько преданностью идеалам великой Германии.

Обосновавшись в Зальцбурге, отец "Советника" занялся коммерцией. Вскоре он сумел сколотить себе состояние, и к моменту захвата гитлеровцами Австрии был владельцем двух крупных магазинов. От брака с Маргарет Фридрих Баумгартен имел двоих сыновей и дочь. Своих детей он воспитывал в шовинистическом духе, старался внушить им веру в исключительность немцев, постоянно подчеркивал, что их родина - Германия.

Старший сын Баумгартена, ослепленный внушениями и идеалами отца, с первых же дней вступления гитлеровских войск в Австрию, пошел на службу к немцам, вступил в их армию и в конце войны погиб в Арденнах. Шовинистический угар мог бы захлестнуть и "Советника", но его спасло, видимо, то, что с 16 лет он жил вдали от семьи в Вене и внушенная ему с детства отцом непримиримость к другим народам постепенно забывалась под влиянием окружавшей его среды. Во всяком случае именно студенческие годы привели "Советника" к отрицанию гитлеризма, как средства к достижению величия Германии. Полный разгром фашизма во второй мировой войне еще больше утвердил его в этом мнении.

Однако это не привело его к отрицанию права Германии на величие, на первенство в мире. Но прийти к этому, по мнению "Советника", Германия может только путем буржуазной демократии. В политике Аденауэра он видел воплощение

такой демократии, в существовании ГДР - помеху для быстрейшего восстановления единства и мощи великой Германии, а факты преследования демократических элементов в стране расценивал как эпизод, не характерный для политики боннского правительства.

"Советник" обычно не высказывал своих симпатий к Западной Германии, но в кругу близких друзей характеризовался до некоторой степени германофилом, убежденным в том, что Австрия сумеет добиться успехов во внутренней жизни и на международной арене только в союзе с Германией Аденауэра.

По данным некоторых агентов, "Советника" связывало с Германией также и то, что там проживала якобы его сестра, муж которой занимал ответственный пост в одной из металлургических компаний.

Жизнь и работа "Советника" в период второй мировой войны не получила достаточного освещения в материалах его дела. Было известно только, что в качестве переводчика он находился в действующей армии на Западном фронте, а затем в оккупационных войсках во Франции. В конце I943 года после перенесенного им сердечного заболевания он был демобилизован из армии и до конца войны проживал у родителей в Зальцбурге, где занимался литературными переводами и давал частные уроки французского языка.

Этих данных вместе с имевшимися у нас ранее было вполне достаточно, чтобы принять решение о направлении работы по делу "Советника".

Павловский, просмотрев еще раз от корки до корки дело "Советника" (привычка восстанавливать все детали дела перед принятием по нему решения всегда была свойственна Павловскому), пришел к таким выводам:

– вербовка "Советника" целесообразна и может быть осуществлена на материальной основе под чужим флагом;

– в качестве вербовщика следует подобрать агента, который мог бы выступить от имени западногерманской разведки Бундеснахрихтендинст (БНД) и по своим личным качествам сумел бы оказать влияние на "Советника".

Выбор Павловского пал на агента "Сафо".

Уроженец Поволжья, выходец из немецкой семьи, "Сафо" всю свою сознательную жизнь прожил при Советской власти. Он закончил высшее учебное заведение, длительное время работал в советской печати, в качестве корреспондента участвовал в войне с белофиннами в 1939 году. В период пребывания на советско-финском фронте "Сафо" был завербован особым отделом армии, а после возвращения к прежнему месту работы передан на связь в местные органы государственной безопасности.

В 1940 году он был направлен в распоряжение советской внешней разведки, которая начала его подготовку к заброске на территорию Германии. Обстоятельства, однако, сложились так, что "Сафо" заболел и несколько месяцев пролежал в постели. За это время вопрос о его выводе за пределы Советского Союза отпал.

Когда немецко-фашистские орды напали на нашу страну и перед органами государственной безопасности Советского Союза встала задача подготовки и заброски агентуры в районы нашей страны, которые могли быть оккупированы гитлеровцами, "Сафо" в качестве корреспондента областной газеты был направлен в г.Харьков. Он должен был легализоваться там и принять меры к внедрению в германские разведывательные органы.

"Сафо" блестяще справился с этой задачей. Выдав себя за человека, который никогда не разделял коммунистических взглядов и специально уклонился от эвакуации в глубь страны, чтобы служить своей немецкой родине, он быстро вошел в доверие к оккупантам. Сначала он редактировал местную профашистскую газетенку, а через полгода стал переводчиком и ближайшим другом заместителя коменданта города. Примерно в это же время он был завербован сотрудником "Абвергруппы-104" и использовался им в качестве наводчика и вербовщика, а затем и резидента этого органа. К концу 1942 года "Сафо" стал переводчиком отдела "Абвера", занимавшегося отбором и подготовкой агентуры из изменников Родине, которые предназначались для заброски в тыл Красной Армии. С этого времени и почти до конца войны "Сафо" своей работой во многом способствовал тому, что нашим внутренним органам удалось захватить и обезвредить, а также использовать в оперативных играх с "Абвером" не одну группу немецких шпионов и диверсантов.

Став сотрудником "Абвергруппы-104", "Сафо" был вынужден менять места своего пребывания в связи с передислокациями разведывательного органа в ходе военных действий. С августа 1942 по март 1943 года он действовал в Сталинградской области, а затем в г.Морозовка Ростовской области. В апреле 1943 года "Абвергруппа-104" переехала в Винницкую, затем в Сумскую, а позднее в Киевскую область. Через г.Жолнев Львовской области "Абвергруппа-104" вместе с немецкими войсками откатилась на Запад и в конце войны оказалась на территории Чехословакии, находившейся уже под контролем американских войск.

"Сафо", как и другие сотрудники "Абвергруппы-104", имел вторые документы, которые давали ему возможность в случае опасности выдать себя за простого обывателя. Он

сумел укрыться в районе Карлсбада. Только после того, как американские войска в соответствии с соглашением между союзными державами оставили территорию Чехословакии, "Сафо" связался с нашими органами. Поскольку выданные немцами документы давали "Сафо" возможность беспрепятственно легализоваться в Австрии или даже в Западной Германии, было решено вывести его в американскую зону оккупации Австрии. После тщательной подготовки на конспиративной квартире в г.Братислава в августе 1945 года "Сафо" был переброшен в Вену, откуда выехал в г.Зальцбург, занятый американскими войсками. Здесь он стал корреспондентом крупной газеты "Зальцбургер нахрихтен"[x/].

Когда "Сафо" было решено использовать по делу "Советника", в его положении произошли большие изменения. Ему не удалось, как это предусматривалось планом вывода, обосноваться в Западной Германии. Этому помешала шпионская организация генерала Рейнхарда Гелена[xx/], активно использовавшаяся в течение многих лет американской разведкой.

Молодчикам Гелена через свою агентуру удалось узнать, что скромный корреспондент "Зальцбургер нахрихтен" по экономическим вопросам являлся сотрудником Абвера. Правда,

---

[x/] "Зальцбургер нахрихтен" - провинциальная газета, издается в г.Зальцбурге, имеет общеавстрийское значение. Она основана американцами после второй мировой войны. Реакционная буржуазная газета американо-германского и монархо-антисемитского направления. "Зальцбургер нахрихтен" допускает резкие выпады против СССР и травлю австрийских коммунистов, применяя всевозможные нечистоплотные приемы. В настоящее время ее тираж около 75 тыс.

[xx/] До 1956 года разведывательная организация Гелена находилась на содержании военного министерства США и в Западной Германии существовала полуофициально. В апреле 1956 года бундестаг (парламент) ФРГ признал "организацию Гелена" официальным разведывательным органом боннского правительства, которая стала называться Бундеснахрихтендинст (БНД).

этому в немалой степени способствовал и сам "Сафо", который в беседе с одним из известных ему агентов Гелена намекнул на свое прошлое.

Для геленовцев "Сафо" был находкой. Как раз в это время они развертывали свою агентурную работу в Австрии, направленную против советской администрации и группы советских войск. В лице "Сафо" они приобретали своего "старого соратника", который имел опыт агентурной работы и, самое главное, хорошо знал "русский вопрос" и "русскую душу". Конечно, немаловажным обстоятельством было и то, что "Сафо" кроме немецкого блестяще владел английским, русским и в достаточной степени украинским языком. Он мог руководить агентурой из изменников Родине, вести непосредственную работу со служащими советской администрации, а при необходимости даже представлять службу Гелена перед американскими разведывательными органами в Австрии.

Вскоре "Сафо" стал резидентом "службы Гелена" в Австрии. Перед ним была поставлена задача лично и через агентуру разрабатывать служащих советской военной администрации и других советских органов и учреждений в Австрии, активно вербовать агентуру, принимать меры к обработке и склонению советских военнослужащих к измене Родине. "Сафо" взялся за выполнение этих поручений, но с одним условием, что сам он вести работу непосредственно с советскими людьми не будет, чтобы не поставить себя случайно под удар. Эту оговорку "Сафо" сделал по заданию наших органов, которые стремились оградить "Сафо" в будущем от подозрений к нему геленовцев и американцев и лишить немцев возможности упрекать "Сафо" в тех случаях, когда геленовская разведка сумела бы разоблачить нашу агентуру, подставленную ей через возможности "Сафо".

Взяв на себя выполнение этого задания, "Сафо" должен был в соответствии с указаниями немцев перебраться в Вену, где он устроился на работу корреспондентом крупной газеты "Винер тагесцейтунг"x/, в которой стали регулярно появляться его статьи главным образом об экономическом положении в Советском Союзе и советских зонах оккупации Германии и Австрии. Названные статьи были, как правило, объективными и поэтому в немалой степени способствовали тому, что "Сафо" вскоре стал хорошо известен в журналистских кругах, как человек независимых взглядов. Это создавало ему возможность для расширения круга знакомств не только среди журналистов, но и среди чиновников государственных учреждений Австрии.

В преддверии заключения государственного договора с Австриейxx/ "Сафо" получил от "службы Гелена" задание активизировать свои связи в австрийских правительственных кругах и учреждениях, ориентируясь, прежде всего, на тех лиц, которые имеют отношение к советским учреждениям в Австрии и в перспективе могут выехать в СССР. Работа "Сафо" по выполнению этого задания продвигалась "успешно". В БНД систематически поступал материал на изучаемых им объектов, а также информация по политико-экономическим вопросам, касающимся взаимоотношений между Австрией и социалистическими странами. Правда, в ряде случаев, когда это было необходимо, она предварительно корректировалась в нашей резидентуре, чтобы в руки БНД не попадали сведения, которые западногерманская разведка могла бы использовать в ущерб нашей Родине.

---

x/ Орган австрийской народной партии, финансировался группой промышленников и аграриев. С 1955 года называется "Эстеррейхише нойе тагесцейтунг" (Österreichische neue Tageszeitung ").

xx/ Государственный договор с Австрией был подписан 15 мая 1955 года.

Таким образом, положение "Сафо" в БНД давало нам возможность использовать его в вербовочном мероприятии под чужим флагом в отношении "Советника", не опасаясь провала. В самом деле, если бы даже "Советник" отказался от сотрудничества с немцами или доложил об этом австрийским властям, то это вряд ли могло серьезно отразиться на положении "Сафо": ведь он всегда мог укрыться под крылышком Бундеснахрихтендинст. Большим плюсом для использования "Сафо" в вербовке "Советника" было также и то, что он был известен среди сотрудников МИДа Австрии как журналист с именем.

Его знакомство с "Советником" не вызвало бы подозрений ни у самого "Советника", ни у его окружения. Знание "Сафо" экономических проблем Востока, его интерес к этим проблемам в беседах с "Советником" также не могли вызвать недоумения у "Советника" и, кроме того, создавали почву для получения от последнего информации по этим вопросам и постепенного втягивания его в работу с нами.

Наконец, при выборе кандидатуры было учтено и еще одно, не менее важное обстоятельство, а именно: невозможность дальнейшего использования "Сафо" в разработке западногерманской разведки. Дело заключалось в том, что "Сафо", которому к этому времени было около 50 лет, за время работы по заданию советских органов государственной безопасности в тылу немецко-фашистских войск, а затем за границей сильно подорвал свое здоровье. На одной из встреч с работником нашей резидентуры он обратился с просьбой разрешить ему возвратиться на Родину. Он чувствовал себя совсем разбитым. Здесь сказывалось длительное нервное напряжение и личная неустроенность. Почти за двадцать лет самоотверженной работы он не смог создать себе семьи и, несмотря на большую заботу о нем советских органов госу-

дарственной безопасности, он временами чувствовал себя одиноким, особенно за рубежом, где он мог только изредка отвести душу на встречах с нашими оперативными работниками.

Такая просьба не могла остаться без внимания с нашей стороны. В связи с этим было принято решение после вербовки "Советника" вывести "Сафо" негласно в Советский Союз и предоставить ему возможность для работы над книгой о работе советских разведчиков в годы Великой Отечественной войны, к чему он давно стремился.

Правда, возвращение "Сафо" в СССР создавало дополнительные трудности для наших оперативных работников, так как перед ними неизбежно вставал вопрос о необходимости перевода "Советника" на прямую связь с советской разведкой, чего можно было бы избежать, если бы "Сафо" оставался за границей и вел работу с "Советником" от имени западногерманской разведки.

Учитывая все эти обстоятельства, а также личные особенности "Сафо" и "Советника", наши оперативные работники пришли к выводу о целесообразности постепенного втягивания "Советника" в разведывательную работу, по возможности без расшифровки перед ним близости "Сафо" к западногерманской разведке, чтобы впоследствии легче было перевести "Советника" на прямую связь с органами государственной безопасности Советского Союза.

В соответствии с этими основными положениями для "Сафо" была определена линия поведения и разработано задание, рассчитанное на выполнение им в течение одного-полутора лет.

Для инструктажа "Сафо" и руководства его работой по разработке "Советника" в Вену был командирован работник ПГУ майор Павловский.

Доклад "Сафо" x/

О ходе разработки "Советника" я информировал Вас краткими тайнописными сообщениями. Со времени постановки передо мной задания по изучению и обработке "Советника" прошло более двух месяцев, и сейчас можно подвести некоторые предварительные итоги. Прежде всего мне хочется отметить, что подсказанная Вами линия, направленная на постепенную обработку "Советника" путем установления с ним личного знакомства, взаимного обмена информацией и вовлечения его в долги, пока себя оправдывает. Думаю, что и дальше целесообразно действовать таким же путем, углубляя мой личный контакт с "Советником". А теперь все по порядку.

Не исключено, что в моем отчете будет много мелочей, но я намеренно буду говорить о них, чтобы Вы могли составить более полное представление о "Советнике".

В соответствии с Вашими рекомендациями сначала я хотел познакомиться с "Советником" как корреспондент известной газеты, посетив его на службе. Кстати сказать, "Советник" является постоянным читателем "Эстеррейхише нойе тагесцейтунг" и довольно хорошо отзывается о моей информированности в экономических вопросах государств Восточной Европы. Однако, как я уже Вам сообщал, от этого варианта пришлось отказаться, так как мой визит к "Советнику" с официальных позиций может произвести на него отрицательное впечатление.

---

x/ Доклад был записан на магнитофоне во время первой встречи с "Сафо" после постановки задания, состоявшейся на конспиративной квартире в Вене. Доклад приводится по стенограмме с записи.

С вашего согласия я избрал другой путь: так называемое "случайное" знакомство с "Советником" через мои связи в МИДе, поскольку это создавало почву для откровенности и постепенного установления с ним личных дружеских отношений. Примерно через неделю после крещения я узнал, что "Советник" в ближайшее воскресенье намеревается выехать вместе с женой в Тирольские Альпы и провести там несколько дней, наслаждаясь лыжными прогулками и альпийским воздухом. Сообщил мне об этом известный вам "Гешке". Он сказал также, что "Советник" зарезервировал аппартаменты в отеле "Гольдене кроне" в районе горного массива Форарлберг в городке Арлберг и что, пользуясь покровительством помощника министра, он имеет возможность доставлять себе удовольствие отдыхать даже тогда, когда другие чиновники работают с напряжением. Эта информация была сообщена мне "Гешке" между прочим. В ней чувствовалась даже некоторая зависть к "Советнику". Я не задавал вопросов "Гешке" о "Советнике", так что он едва ли мог связать мои дальнейшие действия со своим сообщением, если бы даже и узнал о моей поездке в Альпы.

Располагая этими сведениями, я решил познакомиться с "Советником" именно в Тирольских Альпах. Возможность для поездки туда на 3-4 дня у меня была, поскольку я еще летом зарезервировал в редакции неделю зимнего отпуска. Я счел неудобным ехать одному и пригласил с собой моего близкого знакомого Кранцла с подругой. Кранцл ранее работал в ведомстве канцлера Австрии, хорошо знает многих сотрудников этого учреждения, а о "Советнике" неоднократно рассказывал мне различные истории, в которых всегда было много вымысла, как впрочем и во всем, о чем он говорил. С "Советником" он не был близок, но знал его и даже его жену, с которой ему несколько раз приходилось встречаться на официальных приемах. Сейчас Кранцл под-

визается на поприще журналистики: ведет экономический отдел в газете "Ди прессе"[x/]. По своему характеру он весьма непосредствен, недалек, а в присутствии своей подружки способен не обращать внимания ни на что окружающее, кроме нее. Таким образом, он вполне подходил для той роли, которую я отводил ему в наших планах. Разумеется, я ни словом не обмолвился о том, что в Альпах отдыхает "Советник". Мне требовалось, чтобы Кранцл первым увидел "Советника" в Арлберге и выразил желание познакомить меня с ним. А то, что Кранцл не удержится от такого предложения, у меня не вызывало никаких сомнений.

20 января мы (Кранцл с подругой и я) выехали на моей машине в Тироль. Мне не раз приходилось бывать в разных районах Австрии, в том числе и в Тирольских Альпах, но дорога к Арлбергу - извивающаяся в горах, как проворная змея, хотя и требует от водителя автомашины умения, сноровки и большой внимательности, всегда приводит меня в огромный восторг. Шоссе петляет вверх по склонам гор, так что с одной стороны дороги стена гранита, а с другой головокружительные пропасти на многие сотни метров глубиной. Придорожные деревья, растительность гор покрыта толстым слоем пушистого снега. Особенно красивы деревья и вершины гор при солнечных лучах, когда снежные кристаллики отсвечивают всеми цветами радуги. Чистейший звенящий воздух, сказочная красота, особенно в тихую погоду. Деревья и скалы под снегом выглядят будто изваяния гениальных художников. И мне казалось, что эта чудесная горная природа не могла не действовать благотворно на всех приезжающих сюда туристов.

---

x/ "Ди прессе" - буржуазная газета, выходит в Вене, финансируется австрийскими промышленниками, выступает с антисоветскими статьями.

Отвлекаясь несколько от сути дела, я хотел бы еще отметить, что подружка Кранцла, которую зовут Гизела, а сам Кранцл называет ее Зельхен, оказалась подстать ему. Она держится за Кранцла, обожает его и, кажется, не мыслит ничего в мире без этого бесхитростного толстячка. По своему характеру это, извините, - клуша. Я уверен, что, когда они поженятся, Гизела станет настоящей домоседкой, нарожает Кранцлу кучу детей и не будет интересоваться ничем, кроме своих наследников, кухни и зарплаты мужа. Так пространно я говорю о ней только потому, что привычки, наклонности и интересы этой женщины, ее поведение и отношение к Кранцлу в немалой мере содействовали тому, что я мог спокойно беседовать с "Советником" в течение многих часов, не боясь, что кто-то посторонний может нам помешать. Как только Кранцл появлялся в нашей компании, сейчас же приходила Гизела и уводила своего будущего супруга в укромный уголок, где можно было поворковать вдвоем. (Признаться, не знаю, на долго ли хватит Кранцла с такой голубкой).

Дорога до Арлберга прошла незаметно и без приключений. В городке мы появились только к вечеру. Номера в гостинице мы заказали еще из Вены. Мы устроились очень удобно и после скромного ужина разошлись по своим комнатам, предварительно договорившись, что на следующий день после завтрака направимся на лыжную прогулку. Должен сказать, что прогулку я избрал не напрасно. Дело в том, что в разговоре с администратором я выяснил, что в гостинице нет ни одного гостя, который ежедневно не делал бы лыжной вылазки в горы. Некоторые энтузиасты совершают лыжный пробег даже перед завтраком, хотя он начинается довольно рано. Гости с положением делают это после завтрака, неспеша, как и положено людям, имеющим вес и влияние в обществе.

В эту категорию, по моему предположению, должен был входить и "Советник". Этот вывод напрашивался у меня еще и потому, что с ваших слов я знал, что жена "Советника" любит почет и наряды, а такая женщина едва ли могла позволить своему мужу нарушить установленный сильными мира сего порядок в отеле. Я надеялся, что утром смогу познакомиться с "Советником" еще до прогулки, а затем вместе с ним провести предобеденное время. Но так не получилось. Во-первых, Кранцл и Зельхен опоздали к завтраку, так что мы встали из-за стола, когда последние лыжники отъезжали от отеля. Но ничего не поделаешь, пришлось терпеливо перенести эту неудачу. Хотя у меня после этого отпало всякое желание ехать на лыжах, я все же согласился с моими попутчиками и скрепя сердце направился в горы.

Путешествие несколько успокоило меня. Взбудораженные утренней неудачей мысли улеглись, и я стал строить новые планы знакомства с "Советником". Только в этот момент мне пришла в голову мысль, которая снова вывела меня из равновесия. Прямо скажу вам, что я перестал уважать себя после этого, как разведчика, и до сих пор не могу понять, как я мог допустить такую оплошность: строя планы о встрече с "Советником", я не сделал самого простого - не выяснил, прибыл ли он в горы и остановился ли он именно в том отеле, о котором сообщал мне "Гешке". Я проклинал себя и за то, что ранее не позаботился увидеть "Советника", хотя бы издали, чтобы в случае нужды самому без помощи Кранцла познакомиться с ним. Можете себе представить, что было у меня на душе: использовал резервный отпуск, утащил в горы Кранцла, израсходовал деньги, а в результате - неудача!

В отель я возвратился в подавленном состоянии. Я настолько истерзал себя раскаяниями, что мое настроение заметила даже Зельхен. Пришлось сослаться на усталость. Пе-

реодевшись, мы спустились к обеду. В зале было еще немного народу, и я занял столик с таким расчетом, чтобы Кранцл смог хорошо видеть не только сидящих в зале, но и тех, кто входит. Однако обед закончился, а "Советник" с супругой в зале не появлялись.

После обеда, отправив влюбленных отдыхать, я вышел прогуляться по курортному местечку. Здесь кроме отеля, в котором я остановился, было еще несколько довольно комфортабельных пансионов. В любом из них мог находиться "Советник". Наведя справки у портье этих пансионов, я убедился, что "Советник" в них не останавливался. Узнавать о нем в своем отеле я не рискнул, чтобы не испортить задуманную комбинацию со знакомством. Однако кое-что мне удалось выяснить и у портье нашего отеля. Завязав с ним разговор, я поинтересовался, как проводят гости свой отдых, часто ли выезжают в близлежащие города, не разнообразят ли свое пребывание в горах легкими встрясками в других местах. Портье оказался словоохотливым и за несколько минут рассказал мне в два раза больше того, о чем я спрашивал.

Между прочим, он сообщил, что сегодня, то есть 2I января, еще до завтрака группа гостей в составе двух семей на своих автомашинах выехала в другое курортное местечко, где, кажется, остановились их венские знакомые. По словам портье, эта группа намеревалась возвратиться не раньше 5-6 часов вечера, так как еще накануне они предупредили обер-кельнера о том, что к обеду их ждать не следует. Я не расспрашивал портье об этих людях, но он почему-то посчитал необходимым сообщить мне: "Важные господа. Дипломаты".

Слова портье вернули мне надежду. Я был убежден, что среди этих "дипломатов" был и "Советник". Знакомство откладывалось до вечера. Возможность для этого была. После

ужина в большом светлом зале отеля обычно собирались все туристы. Здесь можно было и потанцевать, и перекинуться в бридж, а при желании выпить чашечку кофе. Если не "Советник", то во всяком случае его жена не могли миновать этого зала.

Действительно, в этот вечер состоялось мое первое знакомство с "Советником". Когда наша троица спускалась из своих комнат в общий зал, Кранцла окликнул мужчина в легком зимнем костюме.

– Вот и еще один кандидат в нашу компанию, – весело сказал он, повернувшись к трем своим спутникам.

Знакомый Кранцла оказался сотрудником МИДа Шпрингфельдером, проводившим здесь зимние вакации вместе с женой и двумя дочерьми школьного возраста. Шпрингфельдер представил нам женщин и "Советника". Кранцл в свою очередь представил своим знакомым Гизелу и меня.

Когда Кранцл назвал мою фамилию, "Советник" внимательно посмотрел на меня, как мне показалось, по его строгому лицу скользнула приятная улыбка.

– Очень рад познакомиться с вами. Давно слежу за вашими статьями, – сказал "Советник". – Могу только благодарить судьбу, что она свела меня с вами.

Я раскланялся и тоже произнес какую-то светскую любезность.

Вскоре все мы сидели в зале и обменивались впечатлениями об отдыхе в горах. Разговор велся легко и непринужденно, хотя в нем участвовали почти одни дамы. "Советник" лишь изредка вступал в беседу, поддерживал свою жену в том или ином вопросе. Шпрингфельдер и Кранцл увлеклись воспоминаниями о своей совместной службе в МИДе,

перебирали своих знакомых, сыпали остротами по их адресу и часто громко хохотали. Я вел себя не навязчиво, примерно в таком же духе, как и "Советник".

Чтобы не возвращаться в дальнейшем к этому вопросу, я хотел бы несколько слов сказать о жене "Советника". Прямо должен заметить, что это такая женщина, которую стоит ревновать и ради которой можно пойти на большее, чем занимать деньги у друзей и знакомых. Стройная фигура, строгое красивое лицо, гладкие с мягким овалом плечи, белая лебединая шея - она сразу обращает на себя внимание. Но капризна до чрезвычайности. Не стесняясь присутствующих, очень часто обращается к мужу с просьбами, которые тот выполняет беспрекословно. Ей, кажется, даже нравится, что она имеет такую власть над мужем, и она демонстрирует это при любом удобном случае. Одевается очень просто, но вещи на ней дорогие и сидят красиво. В зал, например, она спустилась в накидке из соболей. Чувствуется, что "Советник" готов для нее сделать все, лишь бы не потерять ее. Я сидел рядом с его женой и не раз ловил на себе его, как мне показалось, ревнивые взгляды. Решив проверить это открытие, я пригласил Анну-Луизу на танец. Скоро мое предположение оправдалось: "Советник", насупившись, смотрел на нас, пока мы медленно двигались по залу. Проводя его жену после танца на место, я подсел к "Советнику". Разговор не клеился. Я не хотел начинать его из тактических соображений, а "Советник", видимо, некоторое время не мог подавить в себе возникшее в нем чувство недоброжелательности ко мне.

Наконец, он задал мне незначительный вопрос о моей работе в газете. Я рассказал ему по возможности обстоятельно, но в то же время так, чтобы у него не складывалось обо мне впечатления, как о болтливом и несерьезном человеке. "Советник" похвалил мою объективность в освещении эко-

номических проблем Восточной Европы, заявив при этом, что не выносит людей поверхностных. Пожаловался на то, что в Арлберге не с кем поговорить, что в компании с Шпрингфельдером он находится случайно и то только потому, что веселость и легкомыслие Шпрингфельдера нравятся его супруге. Я не стал поддерживать эту тему разговора, хотя она с точки зрения раскрытия характера "Советника" была бы не бесполезной. Я счел нужным перевести беседу в сферу наших общих интересов. "Советник" довольно обстоятельно обрисовал положение в экономике стран Восточной Европы, хотя все это облек в общие фразы, которые для меня не имели никакого значения, так как не давали мне ничего нового.

Чтобы заинтересовать "Советника" в знакомстве со мной, я решил тогда же дать ему некоторую свежую информацию об экономических планах соседки Австрии - Чехословакии, которые мне стали известны от моего коллеги по перу. Эта новость заинтересовала "Советника". Он пробовал уточнить некоторые вопросы, но я сделал вид, что больше того, что сообщил мне знакомый, пока не знаю. Затем разговор перешел на внутриполитические темы, который также велся в общих фразах, облекался в обтекаемые формулировки. Видно было, что "Советник" не любит откровенничать с первым встречным. Из всей этой беседы мне хотелось бы выделить один вопрос, а именно: попытку "Советника" выяснить мое мнение о политике Западной Германии в отношении Австрии. Вопрос был поставлен как бы невзначай, по ходу беседы, и не мог бы вызвать удивления, если бы я не был вами сориентирован заранее о симпатиях "Советника". Я уклонился от прямого ответа на этот вопрос, заявив ему, что "немцы - везде немцы, где бы они не жили". Этот ответ, видимо, вполне удовлетворил "Советника".

Мое первое знакомство с "Советником", на мой взгляд, прошло вполне удовлетворительно. Во всяком случае на сле-

дующий день вся компания, которая теперь состояла из семи человек, стала на лыжи и тронулась в горы. Мы бродили часа три. Как и накануне, наша компания разбилась на две группы: в одной были мы с "Советником", в другой - все остальные. Мы шли по накатанной лыжне, часто останавливались для отдыха и сходились в одну группу, но это не мешало мне беседовать с "Советником". Один раз мы так увлеклись разговором, что не заметили, как отстали от остальных, а когда нагнали их, то услышали упрек по нашему адресу. Нас выручил Кранцл, сказав, что он нас хорошо знает, что оба мы одержимые работой и что к нам не следует предъявлять особых претензий. Хотя мы и получили отпущение грехов, тем не менее в другой раз не рисковали отрываться от компании.

В результате длительных бесед с "Советником" у меня сложилось о нем вполне определенное впечатление, которое давало возможность продумать и построить гибкую тактику дальнейшего развития и закрепления знакомства с ним.

Со своей стороны я старался в рамках допустимого для первого знакомства сделать все, чтобы заинтересовать "Советника" собой.

Вечером 23 января я устроил небольшой ужин в связи с отъездом в Вену. "Советник" оставался в Арлберге еще на 5 дней. Мое решение уехать было вызвано следующими причинами: по легенде кончался мой отпуск, надо было отвлечь внимание "Советника" от моего намеренного интереса к нему, если он это почувствовал, и создать на это время некоторую "пустоту" вокруг "Советника", чтобы возбудить в нем желание встретиться со мной в Вене уже по его инициативе.

Ужин прошел в довольно непринужденной обстановке и способствовал закреплению нашего знакомства. После треть-

ей рюмки коньяку, когда разговор стал общим, мы с "Советником" удалились из ресторана в холл, где, удобно расположившись в креслах, беседовали часа полтора. "Советник" много курил, сетовал на то, что ему приходится много работать, нести большие расходы на содержание семьи, так как родство с близким к министру человеком обязывает его всегда быть аккуратным, подтянутым и одетым по моде. От этих забот, по его словам, у него портится настроение и начинают пошаливать нервы. Я тогда вскользь заметил, что, видимо, основные расходы приходится нести на гардероб жены.

– А что же поделаешь, – сказал он, – женщина есть женщина. И к тому же, как вы успели заметить, она не из последних.

Эта фраза была сказана с некоторым вызовом. Я удивился, что у "Советника" так долго не прошло первое впечатление, хотя после танца с Анной-Луизой я не подавал никаких поводов для подозрений.

В связи с этим я счел возможным заметить "Советнику":

– В первый вечер нашего знакомства мне показалось, что вы чуточку приревновали вашу супругу ко мне. Бросьте, мой друг. Я не заслуживаю подозрений с вашей стороны, и, поверьте, я не настолько легкомыслен, чтобы флиртовать с замужней женщиной, тем более, если она – жена человека, которому я симпатизирую. Да и жена ваша не из тех, чтобы допускать вольность в обращении с другими мужчинами.

Мои слова были для "Советника", кажется, самыми нужными из всех тех, что я сказал ему за все три дня нашего знакомства.

– Вы правы, господин "Сафо", – сказал он, – на меня действительно временами находит хандра. Спасибо на доб-

ром слове и за ваше мнение о моей супруге. Я очень рад был познакомиться с вами и надеюсь, что в Вене мы еще не раз увидимся.

Я выразил такое же пожелание, заметив только, что часто нахожусь в отлучках и поэтому не могу заранее сказать, когда может состояться наша следующая встреча.

Я очень подробно рассказал вам о начале моего знакомства с "Советником" только потому, что в нем была главная трудность и от него зависела дальнейшая работа по нашему делу.

При обсуждении с вами дела "Советника", как вы помните, было признано целесообразным не торопить события, не проявлять навязчивости и после знакомства некоторое время не напоминать ему о себе и при возможности встретиться с ним еще где-либо в нейтральном месте так, чтобы эта встреча не выглядела специально подстроенной.

Такая возможность мне предоставилась в начале февраля. Через своих информаторов я знал о предстоящем посещении оперы сановными чиновниками МИДа и, конечно, не преминул воспользоваться этим для того, чтобы напомнить о себе "Советнику". В антракте я действительно встретился с "Советником" и его супругой, как всегда элегантно одетой и ослепительно красивой. Было видно, что "Советник" обрадовался нашей встрече. Он снова благодарил меня за хорошо проведенное время в горах, сказав, что хотел поговорить со мной по ряду вопросов, предложил после спектакля (в этот день давали "Фледермаус"[x/] с участием какой-то парижской знаменитости) встретиться с ним за бокалом вина в ресторане. Я не возражал.

[x/] "Фледермаус" - оперетта И.Штрауса "Летучая мышь".

В ресторане "Францисканер" около оперы нужной мне беседы не состоялось, так как приходилось развлекать Анну-Луизу, которая, конечно, соскучилась бы от наших разговоров на экономические темы. Однако вечер не прошел даром. Он способствовал нашему сближению. Немаловажным обстоятельством было и то, что мне в какой-то мере удалось расположить к себе и жену "Советника". Когда после ужина "Советник" пригласил меня к себе домой, то его супруга с живостью поддержала это предложение.

И вот я дома у "Советника". Хорошая со вкусом обставленная 5-ти комнатная квартира. Современная мебель, никаких излишеств, несколько выполненных в декоративной манере фигурок и эстампов в стиле модерн удачно украшали комнаты, создавая уют. Навстречу мне вместе с родителями вышел мальчик лет девяти - сын "Советника" и, поздоровавшись со мной, сразу ушел в детскую комнату. Анна-Луиза дома казалась совсем другой, чем на людях. Она была как-то проще, обычнее, но пленительная красота ее от этого только выигрывала. У меня создалось такое впечатление, что "Советник" потому только терпеливо выносит капризы жены среди людей, что дома видит ее совсем иной, такой, какой ему хотелось бы видеть ее всегда. За столом шла общая беседа. Когда горничная подала кофе, Анна-Луиза ушла к сыну, оставив нас вдвоем. Начался "мужской" разговор. "Советник" поинтересовался, не удалось ли мне уточнить сведения о намерениях Чехословакии в развитии ее отношений с Австрией. Я дал несколько уточняющих цифр к тому разговору, который состоялся у нас в Арлберге.

Мне не было необходимости скрывать от "Советника" эти данные, так как я лишь два дня назад получил их от своих информаторов в МИДе Австрии. Я говорил "Советнику" только то, что должно было давно быть ему известно. Я мог

судить об этом потому, что на этот раз он более конкретно и предметно рассказывал мне о внешнеполитических планах Австрии, в частности об ориентировке некоторых правящих кругов страны на союз с Западной Германией. К сторонникам такого союза он отнес и себя, заявив при этом, что хотя политика нейтралитета и дает пока Австрии некоторые преимущества, но в будущем все-таки ей лучше находиться в тесном союзе с Западом, в частности принимая участие в "общем рынке". Эти соображения он высказал, как свое частное мнение. На мой вопрос о том, не подведет ли ФРГ Австрию так же, как подвел ее в свое время Гитлер, "Советник" с жаром заявил, что если бы у власти в ФРГ находились фашисты, то он никогда не стоял бы за такой союз, что он потому и говорит о союзе Австрии с ФРГ, что там у власти стоит демократическое правительство. Здесь он сказал несколько лестных фраз в адрес Аденауэра.

Должен оговориться, что этот разговор состоялся после того, как я, "расчувствовавшись", поведал ему историю своих скитаний, начиная со службы на Восточном фронте и по сей день. О том, что я работал в фашистской разведке и как я пришел к немцам, я умышленно не говорил, чтобы не спугнуть "Советника" ни своей службой в подобном органе, ни своим русским происхождением.

Наша деловая беседа была прервана появлением Анны-Луизы, которая, уложив сына спать и дав распоряжения по дому, возвратилась к нам в гостиную. Мы выпили еще по чашечке кофе, и я, извинившись перед хозяевами, стал прощаться. Посещение "Советника" дома дало мне право пригласить их к себе.

До середины февраля мы встречались с "Советником" еще несколько раз, причем дважды с глазу на глаз. Это дало мне возможность получить от него информацию, наиболее

важные места из которой я вам сообщал и поэтому не буду повторяться. Эта информация помогла осуществить важную часть поставленного передо мной задания, а именно: проверить реакцию "Советника" на вручение ему денег и заложить основу для того, чтобы постепенно приучить его брать у меня деньги. Но сначала я должен возвратиться несколько назад и доложить о выполнении предварительного поручения.

В соответствии с полученными от вас рекомендациями, я запросил мнение своего шефа из Пуллаха[x/] о моем намерении публиковать свои статьи под псевдонимом в газете "Рейнише меркур"[xx/], на что и получил его согласие. Затем договорился с редактором, и в течение последних полутора месяцев опубликовал четыре довольно пространные статьи о русской экономике, которые пришлись по вкусу редакторам этого полуофициоза, и сейчас у меня имеется заказ еще на три статьи.

В двух последних статьях я использовал некоторые сведения из информации "Советника", источника которых, естественно, я не назвал. Это обстоятельство, как и предусматривалось нами, было использовано для деликатного разговора с "Советником" о деньгах. Надо сказать, что за свои статьи я получил довольно приличный гонорар, львиную долю которого я решил передать "Советнику" в качестве вознаграждения за его участие в подготовке названных статей.

[x/] местечко под Мюнхеном, где размещается центр западногерманской разведки БНД.

[xx/] "Рейнише меркур" - близкая к Аденауэру буржуазная газета, выражает интересы крупных промышленных магнатов, рупор бывшего канцлера ФРГ Аденауэра. Издается в Кельне и Кобленце.

Наша беседа на эту щекотливую тему проходила примерно так (передаю почти дословно).

Я: Господин "Советник", у меня есть для Вас небольшой сюрприз, который Вы не ожидаете. Прочтите, пожалуйста, эту статью в "Рейнише меркур". (Пока "Советник" читал газету, я наблюдал за ним, но по выражению его лица понял, что он не совсем разбирается в смысле моего сюрприза).

"Советник": Интересная статья. Видно, что ее автор весьма информированный человек, но я не понимаю, какое отношение это имеет ко мне.

Я: Прошу извинения, я поступил не очень тактично в отношении Вас, но сделал это, поверьте, из благих побуждений. Я хотел доставить Вам удовольствие. В этой статье, которая написана мной, использована, правда, без Вашего разрешения, некоторая информация, ставшая мне известной от Вас.

"Советник" снова углубился в газету, стал читать более внимательно. Теперь он иногда покачивал головой, на лице его появилась несколько ироническая усмешка. Я, откровенно говоря, ожидал бурной сцены с обвинениями и даже бранью, но этого, к счастью, не случилось. Усмехнувшись, "Советник" произнес:

– Да-а. Здорово Вы меня облапошили. Я думал, что разговариваю с честным человеком, и совсем забыл, что передо мной журналист. Но почему в "Рейнише меркур"?

Я: Видите ли, я являюсь корреспондентом этой газеты. Но это еще не весь мой сюрприз. Я очень просил бы принять часть гонорара, который я получил за эту статью и который по праву принадлежит Вам.

"Советник": Что Вы, это уж слишком. Ведь я не писал ни строчки.

Я: Но без Вашей информации написанная мной статья могла бы во многом проиграть. Если она и получила высокую оценку, то только благодаря Вам.

Короче говоря, "Советник" не стал долго ломаться. Все-таки деньги взяли свое, хотя сумма и была небольшой. Видимо, он действительно сильно нуждается в деньгах, если так легко принял от меня подачку. Продолжая затем разговор о моем сотрудничестве в "Рейнише меркур", я предложил "Советнику" давать самому статьи в эту газету. Идея пришлась ему по душе. Его смущало только то, что его сотрудничество в иностранной газете ("Пусть немецкой, но все-таки иностранной", - сказал он) может повредить его положению в министерстве. Выход предложил я: он пишет статью, я ее перекраиваю и затем под своим псевдонимом направляю в названную газету. На этом и порешили. "Советник" стал получать побочный доход, а мы в его лице приобрели добровольного помощника, который пока будет давать мне возможность уделять больше времени выполнению наших оперативных заданий.

Я считаю, что в дальнейшем необходимо больше сблизиться с "Советником". Для этого нужно систематически встречаться с ним примерно в течение трех-четырех месяцев, получать от него устную информацию о положении в МИДе, а также заказывать ему проекты статей для "Рейнише меркур", постоянно оплачивать эту его работу, чтобы он привыкал к дополнительному источнику, пусть небольшого, но постоянного дохода. Одновременно полагал бы постепенно приучать "Советника" к тому, чтобы он среди своих близких и знакомых, особенно по службе, не афишировал

свою связь с нами, вводить некоторые элементы конспирации в отношения между нами.

После внимательного ознакомления с докладом "Сафо" оперативный работник Павловский одобрил проведенную им работу, а также обсудил с "Сафо" линию его дальнейшего поведения. Павловский согласился с предложениями "Сафо" по разработке "Советника".

Определяя линию поведения "Сафо" в отношении БНД, было решено не сообщать пока в западногерманскую разведку о "Советнике", как о возможном кандидате на вербовку. При этом учитывалось, что "Сафо" по своему положению журналиста имеет многочисленные связи среди австрийских граждан и иностранцев и не о всех своих знакомых сообщал в штаб-квартиру разведки ФРГ. К тому же "Сафо" не был обязан непременно сообщать туда о всех своих связях. Даже если западногерманской разведке стало бы известно о встречах "Сафо" с "Советником", то на запрос из Мюнхена он всегда смог бы ответить, что с "Советником" знаком, ведет его изучение, но не составил еще твердого мнения о нем.

Поскольку, как явствовало из сообщения "Сафо", первый этап изучения "Советника" закончен вполне удовлетворительно и созданы условия для более активного вовлечения "Советника" в разведывательную деятельность, Павловский принял решение продолжить с ним работу пока от имени газеты "Рейнише меркур", хотя при этом и нельзя было рассчитывать на получение от "Советника" материалов, которые закрепили бы его за нами. Целесообразность прямой вербовки "Советника" от имени западногерманской разведки зависела от того, удастся ли в процессе работы с "Советником" получить от него для газеты "Рейнише меркур" сведения, составляющие государственную тайну Австрии, или

нет. В первом случае можно было надеяться на перевод "Советника" на прямое сотрудничество с советской внешней разведкой, не прибегая к предварительной вербовке его от имени геленовской разведки. Во втором случае вербовка от имени БНД становилась необходимостью.

"Сафо" приступил к реализации намеченного плана. Через две недели после первого отчета от "Сафо" поступило тайнописное сообщение, в котором говорилось: "Имел неприятный разговор в Пуллахе относительно "Советника". Выхожу на внеочередную встречу по условиям "Бета".

Когда Павловский появился в ресторане "Парис" в Инсбруке, "Сафо" был там. Он был заметно возбужден. Павловский внимательно, не перебивая "Сафо", выслушал его сообщение о беседе с ним в БНД, а когда тот успокоился, попросил рассказать подробно обо всем, что произошло и что привело его в такое нервозное состояние.

– Разработка "Советника" под угрозой провала, – выпалил "Сафо".

– Давайте-ка обсудим этот вопрос спокойно, тщательно обдумаем положение и попробуем найти выход из сложившейся ситуации, – предложил Павловский.

"Сафо", извинившись за горячность, начал обстоятельно рассказывать о поездке в Пуллах. Рассказ его занял довольно продолжительное время, поэтому встреча затянулась почти на три часа.

Отчет Павловского о встрече с "Сафо"

"Докладываю, что I7 марта сего года мною проведена встреча с агентом "Сафо", состоявшаяся по его вызову. На этой встрече "Сафо" доложил следующее.

12 марта его вызвали в Мюнхен, где с ним встретился сотрудник Бундеснахрихтендинст Штарке, непосредственный шеф "Сафо". Встреча состоялась в номере гостиницы "Регина" и продолжалась почти пять часов. "Сафо" должен был отчитаться за свою работу с информаторами "Гешке", "Нейманом", "Фогелем" и "Кенигом" в течение первых двух месяцев текущего года. "Сафо" информировал в пределах имевшихся у него на этот счет указаний от нас, нарисовал перспективы использования "Кенига", кандидатура которого рассматривается в МИДе Австрии для направления в качестве советника посольства Австрии в Болгарии. По нашему указанию, "Сафо" дал нелестную характеристику "Гешке", как человеку, который не способен получать серьезную информацию, не располагает для этого возможностями, а занимается сбором различных сплетен, и предложил сократить ему денежное содержание.

Штарке одобрил работу "Сафо" с "Кенигом", но рекомендацию его относительно "Гешке" отклонил, дав "Сафо" задание шире использовать его для освещения кандидатов на вербовку с точки зрения изучения их привычек, наклонностей, слабостей, пристрастия к деньгам и женщинам.

Положительно отозвавшись в общем о работе "Сафо", Штарке предъявил ему серьезные претензии, сказав, что "Сафо" слишком слабо изучает чиновников МИДа, имеющих пронемецкую ориентацию, и за последние годы не сумел довести до конца ни одной вербовочной разработки из числа чиновников, имеющих отношение к связям с СССР и другими социалистическими странами. "Сафо" пытался доказать своему шефу, что он ведет такие разработки, но что не всегда их можно реализовать за два-три месяца.

Доводы "Сафо" Штарке не принял во внимание. Он заметил агенту, что тот, видимо, устал, теряет свою квали-

фикацию и за журналистскими обязанностями забывает информировать Пуллах о своих связях среди чиновников МИДа, в числе которых могут быть и очень интересные люди. "Сафо" заявил на это, что он, как и раньше, информирует о всех, кто с его точки зрения представляет интерес и может быть завербован, но, прежде чем сообщать об этом Штарке, он пытается создать о человеке вполне определенное, достаточно полное свое мнение, чтобы не предлагать вещей нереальных.

Штарке в связи с этим иронически заметил, что "Сафо", видимо, потребуется десять лет, чтобы у него сложилось мнение, например, о "Советнике", с которым "Сафо" имел немало встреч и довольно продолжительных бесед в Тирольских Альпах.

"Сафо" утверждает, что Штарке поставил перед ним этот вопрос именно так. В связи с этим "Сафо" был вынужден информировать Штарке о своих встречах с "Советником", рассказать и о том, что он ведет его изучение, которое продвигается, однако, медленно. Вместе с тем "Сафо" умолчал об использовании информации "Советника" в своих статьях для газеты "Рейнише меркур" и о передаче ему части своего гонорара. "Сафо" считает, что эти факты нельзя сообщать немцам, так как "Советник" не пойдет на то, чтобы делиться с кем-либо этими данными.

Характеризуя "Советника", "Сафо" указал Штарке, что "Советник" выступает против фашизма, реабилитации бывших нацистов в ФРГ и преследования демократических организаций, но в то же время у него есть определенные симпатии к Германии, но Германии демократизированной. "Сафо" намекнул даже на то, что симпатии "Советника" находятся больше на стороне Олленхауэра, чем христианских демократов Аденауэра и Штрауса. Эти факты, как заявил "Сафо" Штарке,

пока не давали ему возможности определенно сказать, пойдет ли "Советник" на сотрудничество с западногерманской разведкой или нет. Попытка "Сафо" представить "Советника" в невыгодном свете не возымела действия на Штарке. Он дал "Сафо" задание форсировать изучение "Советника", закрепить знакомство и осуществить его вербовку, использовав как одно из средств воздействия на него - деньги и то, что "Советнику" не будут ставиться задания, которые угрожали бы безопасности Австрии.

При этом Штарке, по словам "Сафо", заявил, что симпатии "Советника" к Олленхауэру не следует брать в расчет, так как "соци"[x/] мало чем отличаются от правящей партии, а в основных вопросах внутренней и внешней политики поддерживают канцлера.

"Сафо" принял это поручение Штарке и должен по нему отчитаться не позднее середины мая сего года. "Сафо" не исключает, что для оказания давления на "Советника" хозяева Пуллаха могут использовать его сестру, которая якобы проживает в Кельне, и, возможно, отца, находящегося в Зальцбурге.

Как видно теперь, мы явно просчитались, не разрешив "Сафо" информировать немцев о его знакомстве с "Советником". Наши намерения, рассчитанные на то, чтобы не подпустить немцев к "Советнику", обернулись теперь против нас.

Из доклада "Сафо" видно, что БНД известно о "Советнике" и знакомстве с ним "Сафо", что за "Советником" или за самим "Сафо" они ведут наблюдение через другую агенту-

---

x/ Сокращенное название членов социал-демократической партии Германии (СДПГ).

ру. "Сафо" исключает, что немецким агентом может быть Кранцл, так как тому ничего не известно о встречах "Сафо" с "Советником" после отъезда из Тироля. "Сафо" подозревает Шпрингфельдера, который видел встречу "Сафо" с "Советником" в опере и знает об их совместном посещении ресторана. Об этом "Сафо" узнал от "Советника".

Изложенные выше обстоятельства вносят существенные коррективы в планы нашей работы по делу "Советника" и вызывают необходимость активизировать и завершить его разработку. Поскольку возможностей посоветоваться с Центром у меня не было, а назначать "Сафо" еще одну встречу в обстановке, когда за ним, возможно, ведется наружное наблюдение, небезопасно, мне пришлось самостоятельно принять решение по дальнейшей разработке "Советника", которое было обсуждено и согласовано с самим агентом. Суть нашего плана сводится к следующему:

I. Взятая нами ранее линия на постепенное втягивание "Советника" в разведывательную работу от имени газеты "Рейнише меркур" отменяется. С "Советником" проводится две-три встречи, после которых оформляется его вербовка от имени западногерманской разведки. Это позволит нам отношения с "Советником" быстро перевести на конспиративные, исключив тем самым возможность того, что "Советник" проговорится о его дальнейших встречах с "Сафо". Перед своим окружением "Советник" в случае необходимости будет легендировать разрыв с "Сафо" из-за ревности. Для этого будет подготовлена соответствующая почва.

Западногерманской разведке будет сообщено, что "Советник" отказался от сотрудничества с БНД по мотивам личного характера, а именно: оставаясь другом Германии, он отвергает всякие связи с карательными органами, чьи бы интересы они не представляли. Для большей убедительности

шефам из Пуллаха будет передана магнитофонная пленка, смонтированная из записей двух-трех специально подготовленных бесед с "Советником".

Не исключено, что в этот вариант могут быть внесены дополнительные изменения, но это будет зависеть от результатов проверки отца и сестры "Советника".

Проверку отца мыслится организовать через венскую резидентуру. Сестру "Советника" необходимо проверить в течение ближайших двух недель, чтобы к этому времени решить, можно ли будет использовать наши варианты.

2. В связи с изложенным возникает необходимость ускорить подготовку "Сафо" к выводу, изготовление ему запасных документов и легендировать его исчезновение из Австрии. Чтобы обеспечить работу с "Советником" на месте от имени БНД, полагал бы целесообразным направить в Вену по нелегальным каналам на два-три месяца оперативного работника ПГУ, с которым должен быть еще в Центре тщательно отработан вопрос о переводе "Советника" на сотрудничество с органами государственной безопасности Советского Союза. Я мог бы остаться здесь как связующее звено между этим работником и резидентурой.

3. Учитывая претензии Штарке к "Сафо", я счел необходимым разрешить "Сафо" вербовку чиновника восточного отдела МИДа "Пауля", которую ранее мы не санкционировали, чтобы не давать в руки БНД неплохо информированного по СССР источника. Это даст нам возможность укрепить положение "Сафо" в БНД, которое сильно пошатнулось после его разговора со Штарке, и поможет смягчить будущий удар по "Сафо", когда от вербовки откажется "Советник". Вербовка "Пауля" будет проведена до вербовочного разговора "Сафо" с "Советником".

Через несколько дней после поступления отчета Павловского в Центр пришло сообщение от "Сафо", в котором он информировал, что обработка "Советника" проходит успешно и что агент готовит его вербовку. Далее в нем указывалось, что "Сафо" информирует Пуллах о своих встречах с "Советником".

Затем последовало сообщение из Вены о том, что отец "Советника" находится в больнице с переломом позвоночника, полученного при падении во время гололедицы. "Советник" три дня находился в Зальцбурге и по возвращении рассказывал своим знакомым о том, что его отец после такой тяжелой травмы вряд ли выживет. Он также жаловался, что отец принял его весьма холодно и даже в таком безнадежном состоянии не преминул упрекнуть сына в том, что он изменил военной карьере.

Таким образом, возможность использования немцами отца в вербовке "Советника" отпадала.

Через несколько дней пришла телеграмма из Бонна. Резидентура информировала, что смогла только выяснить, что сестра "Советника" с мужем действительно проживает по известному нам адресу. Ответить на вопрос о том, что она из себя представляет и какое общественное положение занимает ее муж, не смогла.

Это сообщение в какой-то мере затрудняло принятие окончательного решения о проведении намеченной вербовочной операции. Поэтому Павловскому было дано указание задержать реализацию основной части плана и принять меры к выяснению действительного положения вещей с сестрой "Советника". Павловский через тайник передал соответствующее задание "Сафо", который вскоре сообщил, что ожидать какой-либо опасности с этой стороны не приходится, так

как, по словам "Советника", он не поддерживает связи со своей сестрой на том основании, что она вышла замуж за бывшего гестаповца, а с ним "Советник" не желает иметь никаких родственных отношений.

После этих сведений Центр санкционировал завершающую часть операции по делу "Советника" за исключением предложения о способе перевода его на прямую связь с советской внешней разведкой.

В конце апреля от "Сафо" поступило шифрованное тайнописное сообщение: "Советник" пошел на сотрудничество за деньги. На вербовочной беседе дал интересную информацию. Ход вербовки записан на пленку. В Пуллах сообщил об отказе "Советника" от сотрудничества и передал им смонтированную мною пленку. Жду личной встречи. Сафо. № 14. Конец".

10 мая Павловский принял "Сафо" на конспиративной квартире венской резидентуры в Бадене. Удобно устроившись в мягких креслах, они обстоятельно обсудили все действия "Сафо", связанные с вербовкой "Советника". Их беседа записывалась на магнитофон с тем, чтобы иметь возможность еще раз осмыслить весь материал.

"Сафо" говорил долго, изредка прерывая свой рассказ, чтобы ответить на вопросы Павловского или сделать глоток кофе.

– Сразу же после нашей встречи я приступил к подготовке вербовки "Советника". В соответствии с Вашими рекомендациями я начал с того, что в течение нескольких дней разработал план трех бесед с "Советником", составленных с таким расчетом, чтобы получить от него ответы, которые можно было бы выгодно использовать в ваших интересах для дезинформации БНД.

Мне не хотелось бы их пересказывать, тем более что запись этих бесед я доставил Вам. Но я смею Вас заверить, что все было сделано так, как нам хотелось.

– Все-таки, – перебил его Павловский, – мне хотелось бы услышать хотя бы один-два примера из ваших уст, чтобы, не прослушивая пленок, я мог уже сейчас составить себе некоторое представление о вашей работе.

– Чтобы получить отрицательный ответ на главный вопрос, то есть на вопрос о сотрудничестве с разведкой Гелена, я решил, что для этого надо завести разговор о периоде фашизма в Германии, деятельности гестапо и других подобных учреждений гитлеровского рейха. Эта часть нашей беседы выглядела таким образом.

– Я заявил "Советнику": "В результате разгрома Германия сильно пострадала в моральном и материальном отношении. Это факт. Но факт и то, что фашисты руководствовались благими пожеланиями, стремились путем завоевания жизненного пространства улучшить жизнь своего народа. К тому же они кое-что сделали для этого и без завоеваний, например ликвидировали безработицу, построили первоклассные автобаны[x/]".

На этом месте "Советник" прервал меня довольно резко и сказал:

– Не напоминайте мне о фашизме. Я служил в армии и знаю, что такое фашизм. Я ненавижу его и буду ненавидеть всю жизнь. Я за великую Германию, за союз Австрии с Германией, но с Германией демократической, как сейчас.

Далее по ходу беседы я спросил "Советника":

[x/] Автострады.

– Скажите, если бы Вам в годы войны предложили сотрудничать с гестапо, как бы Вы к этому отнеслись?

Он посмотрел на меня несколько удивленно и твердо ответил:

– Никогда и ни за какие деньги. Я до сих пор еще не могу примириться с мыслью, что муж моей сестры служил в гестапо. Я из-за этого порвал связи с сестрой. Знаю я это учреждение. Оно до хорошего не доведет.

– Ну, что ж, если так, то недурно, – сказал Павловский, – Вы, кажется, действительно нашли правильный подход к "Советнику". Нажав на слабое место, заставили его сказать именно то, что нам было нужно. А как же вы вмонтировали это в ту пленку, которая пошла в Пуллах?

– Это стоило мне больших трудов. Но, может быть, рассказывать по порядку, чтобы полнее ответить на ваш вопрос?.. Так вот, третья моя беседа с "Советником" была вербовочной. Я вел с "Советником" прямой разговор о его сотрудничестве с западногерманской разведкой и получил, как вам уже известно, его согласие. Разговор у нас был довольно продолжительным, но прошел без эксцессов. Не скажу, чтобы "Советник" сразу дал согласие, но он особенно и не колебался. Просто, прежде чем дать ответ, он хотел знать, что он будет иметь от этого сотрудничества. Я подчеркиваю: не что делать, а что иметь. Вербовочная беседа была также записана мною на магнитофонную пленку. Прежде чем кроить ленты, я переписал эту запись на другую пленку, которую, как мне и было указано, доставил вам. Если вы не возражаете, эту запись можно было бы прослушать, так как это поможет мне ответить на вопрос о том, как готовилась пленка для Пуллаха.

Получив согласие Павловского, "Сафо" вынул из портфеля пленку и установил ее на магнитофоне. В течение 4-5 минут они слушали музыку, записанную, видимо, с радиоприемника ("Для маскировки", - пояснил "Сафо"), затем раздался голос "Сафо". Запись была чистой и почти не искажала голосов. В беседу вступил "Советник". Собеседники некоторое время обменивались новостями, мнениями о малозначительных политических событиях. Через 10-15 минут начался разговор по существу[x/].

"Сафо": Послушай, Ганс, мы с тобой сотрудничаем довольно плодотворно, твоя информация для газеты "Рейнише меркур" получила у моих шефов довольно высокую оценку. Благодаря тебе и я, как автор статей, стал пользоваться серьезным авторитетом у своего редактора. Не подумать ли тебе о том, чтобы расширить наше сотрудничество и, скажем, давать информацию еще для какого-нибудь органа. Это позволило бы тебе кроме всего прочего значительно повысить доходы. Я знаю тебя как поклонника Германии, Германии демократической, ты мог бы многое сделать для сближения Германии с Австрией и для возрождения величия германской нации.

"Советник": Ты правильно подметил, что я поклонник сегодняшней демократической Германии и почитатель канцлера Аденауэра. Поэтому там, где можно, я стремлюсь содействовать сближению Австрии и Германии, но если для этого есть еще какие-то возможности, я буду рад использовать их. С какой же еще газетой ты предлагаешь мне сотрудничать, разумеется через тебя, и в каком плане? До этого мы с тобой писали только об экономике Восточного блока, но этого для сближения Австрии с Германией явно недостаточно.

[x/] Вся ~~запись~~ дается в переводе с немецкого.

"Сафо": Речь, дорогой мой друг, идет не о газете, а о несколько ином органе, который знает о полученной от тебя информации и заинтересован в новой. Чтобы не томить тебя, скажу сразу: не согласишься ли ты кое в чем помочь Бундеснахрихтендинст? Нет, нет, не в работе против Австрии, а для Австрии. От тебя не потребуется больше, чем давать информацию о взаимоотношениях между Австрией и Восточным блоком, чтобы сообщать о политике Советов в отношении Австрии и Германии. Это как раз может явиться тем началом, которое будет содействовать сближению наших стран.

"Советник": Наших стран! Значит, ты от генерала Гелена? И, значит, все, что я тебе рассказывал, передавалось туда! Да-а, ситуация!...

"Сафо": Ну, что ты, не надо драматизации. Ты же сам знаешь, что твоя информация использовалась в "Рейнише меркур", а моим шефам в Пуллах передавалось только то, что не могло быть использовано в этой газете. Но пойми меня правильно. Если ты не желаешь такого сотрудничества, то можешь считать, что я тебе ничего не предлагал.

"Советник": От этого предложения мне несколько не по себе. Главным образом потому, что подобное предложение исходит от тебя, моего, казалось бы, бескорыстного друга. Сначала втянул меня в работу в газете, стал моим кредитором, а теперь - предлагает стать шпионом.

"Сафо": Что ты, что ты! Какой шпион?! Об этом не может быть и речи. Я обратился к тебе, как к человеку, в жилах которого течет немецкая кровь, который заинтересован в расцвете демократической Германии. Я к тебе обратился как немец к немцу, а не как шпион к шпиону. И потом ты меня обидел, я сказал бы, оскорбил, если бы я не знал тебя ближе: подумай сам, какой я кредитор, когда ты честно

зарабатывал свои деньги. Ты никому ничего не должен. А сейчас я предложил тебе не больше, чем надежный и постоянный заработок. Кстати сказать - не малый...

"Советник": Ты меня просто ошарашил. Твое предложение для меня как гром с ясного неба...

Разговор кончился. Раздался звук передвигаемых стульев, громкие шаги по комнате. Комментируя этот перерыв в беседе, "Сафо" пояснил Павловскому, что "Советник" вскочил со стула, задумавшись, стал тяжело ходить по комнате из угла в угол. В руках у него была сигарета, которую он то и дело подносил ко рту и жадно втягивал в себя дым. Но вот снова из динамика раздался спокойный голос "Сафо":

- Я совершенно не предполагал, что ты столь болезненно воспримешь мое предложение. Я считал тебя более сильным...

"Советник": Хорошенькое дело! Тебя тянут бог весть куда, а ты должен улыбаться и благодарить. Так что ли?

"Сафо": Послушай, Ганс, а что меняется в наших отношениях с тобой? Мы давно связаны, и практически все остается по-старому. Я просто хотел, чтобы ты знал все, и поэтому не хотел скрывать от тебя истинного положения вещей. Мне известно, что ты начал очень широко показывать твои прогерманские настроения, чего пока, до поры до времени, делать не стоило бы: кто знает, куда повернется фортуна? Кроме того, я думал, что новое предложение, если, конечно, ты его примешь, значительно улучшит твое материальное положение...

"Советник" (после непродолжительного молчания): Хитер ты, как черт, но, кажется, искренен. Видимо, придется согласиться с тобой. И все-таки ответь мне определенно:

если я скажу "да", что получу взамен, что получит моя семья, чем будет гарантирована моя безопасность?

"Сафо": Вот это уже мужской разговор. С этого и надо было бы начинать. Я всегда считал тебя, Ганс, деловым человеком. Ты ежемесячно будешь получать сумму, равную половине твоего жалованья в МИДе. Это даст тебе возможность быть более внимательным к божественной Анне-Луизе. Что касается безопасности, то в случае нужды для перехода в Федеративную Республику Германию, как ты сам знаешь, не требуется разрешения австрийских властей. А там ты получишь то, что нужно для жизни каждого уважающего себя человека.

"Советник": Ну что ж, пусть будет так! Но одна просьба: я не хочу, чтобы со мной встречался кто-либо еще, кроме тебя. Тебе я верю и, кроме того, мне не хотелось бы, чтобы о характере наших новых отношений знал кто-нибудь другой.

"Сафо": Само собой разумеется, Ганс... Как ты думаешь, не отметить ли нам это событие рюмкой "Наполеона"? Получил только вчера и прямо из Парижа.

Павловский выключил магнитофон. Рассказывая далее о ходе вербовки "Советника", "Сафо" доложил, какие задачи он поставил перед "Советником" и как проинструктировал его о линии дальнейшего поведения. Как и было предусмотрено планом, "Сафо" договорился о переходе на конспиративные формы работы с "Советником", обусловил с ним способы связи, экстренные вызовы на встречи, места явок. Чтобы не попадаться на глаза окружению и не давать в руки геленовской разведки оснований подозревать "Сафо" в нечестности, с "Советником" было обусловлено, что перед внешним миром они инсценируют разрыв, который в случае

надобности будет объясняться тем, что "Советник" приревновал свою жену к "Сафо".

Перед "Советником" была поставлена задача добывать информацию о политике австрийского правительства в отношении Советского Союза и других социалистических стран, а также о позиции австрийского правительства в отношении ФРГ и лицах из правительственных кругов, настроенных пронемецки. Постановка "Советнику" такого задания была оправдана, так как она ни в коей мере не противоречила тем интересам, которые могла бы в данной ситуации проявлять БНД, и закрепляла легенду о вербовке "Советника" от имени западногерманской разведки. Вместе с тем, информация по данным вопросам представляла интерес и для Советского Союза и, кроме того, способствовала созданию условий для перевода в будущем "Советника" на прямое сотрудничество с органами государственной безопасности СССР, поскольку он своей работой приносил пользу и нам.

Итак, вербовка "Советника" под чужим флагом была осуществлена.

Дальнейшие действия "Сафо" были направлены на то, чтобы отвести внимание западногерманской разведки от "Советника", как возможного кандидата на вербовку, путем получения от "Советника" документальной и другой политической информации, создать условия для перевода его на прямую связь с советской внешней разведкой, что по плану Павловского, утвержденному Центром, должно было произойти на основе компрометирующих "Советника" материалов.

Первая задача о продвижении в БНД дезинформации о непригодности "Советника" к сотрудничеству с Бундеснахрихтендинст была выполнена в ходе вербовочных мероприятий.

"Сафо" из нескольких специально подготовленных бесед с "Советником", которые записывались им на магнитофонную пленку, смонтировал запись "вербовочной беседы". Эта пленка была направлена им в БНД вместе с письменным отчетом об отказе "Советника" от сотрудничества. О проведении этого мероприятия "Сафо" доложил Павловскому следующее.

"На монтаж пришлось потратить много времени, хотя в вербовочную беседу с "Советником" нужно было вставить лишь несколько фраз из записей предыдущих моих бесед с ним, которые характеризовали бы его как человека, ненавидевшего западногерманские порядки и особенно БНД. Из одной из бесед я взял, например, такие слова "Советника": "Я сам знаю, что такое фашизм. Я ненавижу его и буду ненавидеть всю жизнь. Я за союз Австрии с Германией, но с Германией демократической". Из другой пленки я вырезал кусок, на котором был записан возбужденный голос "Советника", восклицавшего: "Никогда и ни за какие деньги. Знаю я это учреждение. Оно до хорошего не доведет". Тщательно вклеив эти куски в общую пленку, в места, соответствующие теме беседы, я составил полный текст нашего разговора. Правда, свои слова мне пришлось наговорить заново, чтобы еще больше подчеркнуть реакцию "Советника". Я их тоже вмонтировал в пленку.

Когда все куски пленки были аккуратно подогнаны, я переписал всю беседу на новую пленку, которую и отправил в Пуллах, а второй экземпляр привез вам. Оригинал смонтированной пленки я уничтожил. Какой наша беседа с "Советником" стала после монтажа, будет яснее, если прослушать эту запись...".

Снова загорелся сигнальный огонек магнитофона: светская беседа, малозначительный разговор о международной ситуации, и вот раздается голос "Сафо":

– Послушай, Ганс, мы с тобой, кажется, стали друзьями. Я могу говорить откровенно? Ты мог бы, занимая определенное положение в учреждении, определяющем внешнюю политику, принести немалую пользу Австрии – своей родине. Для этого нужно только, чтобы ты внимательней посмотрел на вашего соседа на Западе, на Федеративную Республику Германии. Это государство может быть не только надежным компаньоном, но и защитником Австрии и от коммунистической опасности, и от угрозы поглощения ее Восточным блоком. Ведь что ни говори, а оплот германской нации сейчас в Бонне.

Конечно, есть такие австрийцы, которые на всех углах кричат, что у нас возрождается фашизм. Но отдельные факты – это не общее правило, и не они определяют существо нашего строя. Я надеюсь, ты не относишься к подобным слепцам и тебя не надо убеждать?

– Я сам знаю, что такое фашизм. Я ненавижу его и буду ненавидеть всю жизнь. Я за союз Австрии с Германией, но с Германией демократической.

– Если бы ты встал на нашу сторону, то имел бы возможность удовлетворить гораздо большие требования своей супруги и, кроме того, обеспечить себе безбедное будущее. Тебе не придется занимать деньги. Чтобы не томить тебя, скажу сразу: не согласишься ли ты кое в чем помочь Бундеснахрихтендинст? Нет, нет, не в работе против Австрии, а для Австрии...

– Никогда и ни за какие деньги. Знаю я это учреждение. Оно до хорошего не доведет!

Выключив магнитофон, "Сафо" продолжал:

– В своем докладе в Пуллах я указал, что срыв вербовки "Советника" вызван тем, что у моей агентуры и у ме-

ня сложилось, видимо, неверное представление о "Советнике", как о стороннике Бонна, и помимо всего прочего "Советник" по своему характеру оказался весьма щепетильным, слишком интеллигентным человеком, который, видимо, считает сотрудничество с любой разведкой аморальным и антиобщественным.

Далее я указывал, что строго предупредил "Советника", чтобы он не болтал о нашем разговоре и не пытался принимать каких-либо мер против меня, так как любая попытка австрийской полиции арестовать меня или заставить покинуть Австрию будет расценена мной и западногерманской разведкой, как предательство "Советника", что может привести к очень неприятным последствиям для него самого и его дражайшей половины. Я выражал уверенность, что "Советник", не принадлежа к людям храброго десятка, не пойдет на риск моего разоблачения. Относительно пленки я указал, что по собственной инициативе принял такое решение - записать беседу, надеясь, что в случае согласия "Советника" пленка с его словами может стать надежным закрепляющим фактором. Когда же вербовка сорвалась, я сначала намеревался уничтожить ее, но потом все-таки решил отправить в Пуллах: авось пригодится. Это объяснение моей инициативы, видимо, устроило моих шефов, так как никаких вопросов или замечаний от них не последовало.

Пленку и доклад я направил в БНД с курьером. Я надеялся, что меня вызовут в Мюнхен, но вместо этого связной принес мне письменное указание шефа временно воздержаться от активной работы с агентурой из МИДа, проводить встречи с ней в исключительных случаях и с соблюдением самой строгой конспирации. В письме шефа было много успокаивающих слов, так как он, по его выражению, не хотел, чтобы в связи с провалом вербовки "Советника" я потерял веру в

свои силы. Одновременно он выражал мне благодарность за "хорошо проведенную" незадолго до этого провала вербовку "Пауля".

Выслушав доклад "Сафо", Павловский обратил внимание агента на некоторые мелкие промахи, которые предстояло исправить в дальнейшей работе с "Советником". В частности, он отметил, что "Советнику" на инструктаже необходимо было указать, чтобы тот в интересах личной безопасности и конспирации своей связи с "Сафо" не афишировал своих пронемецких настроений и не делал их достоянием широкого круга своих знакомых, а по возможности отошел от участия в собраниях и беседах пронемецких элементов. Этот инструктаж, как указал Павловский, имеет и ту еще положительную сторону, что определяет такое поведение "Советника", которое в случае проверки данных "Сафо" западногерманской разведкой могло бы подтвердить выводы "Сафо", сообщенные им в Пуллах, о том, что мнение о пронемецкой ориентации "Советника" являлось ошибочным.

Павловский рекомендовал "Сафо" также договориться с "Советником" о том, как он будет легендировать наличие у него дополнительных денежных средств перед своим окружением и женой.

"Сафо" принял эти замечания как должное и заверил, что на ближайшей же встрече с "Советником" постарается исправить допущенные ошибки.

В конце встречи Павловский и "Сафо" обсудили план дальнейших действий.

Поскольку ответа на предложение Павловского о способе перевода "Советника" на прямую связь с советской внешней разведкой еще не было (Павловский был уведомлен о том, что в ближайшее время в Вену специально для разра-

ботки этого мероприятия на месте должен прибыть его начальник - подполковник Попов), он решил ограничиться постановкой перед "Сафо" такой задачи по делу "Советника", выполнение которой было бы необходимо даже в том случае, если бы предложение Павловского было отклонено. Поэтому он обязал "Сафо" стараться получать от "Советника" секретную информацию, особенно документальную, а все их беседы при встречах записывать на магнитофон. Для этого агент был снабжен портативным звукозаписывающим аппаратом иностранного производства, который свободно помещался в нагрудном кармане легкой спортивной куртки и был заделан в пачку сигарет "Кронен фильтер", которые обычно курил "Сафо".

Оговорив еще раз условия связи с "Сафо" в период между их личными встречами, Павловский сердечно распрощался с ним. Через несколько минут и он покинул конспиративную квартиру.

Через два дня в Вену из Центра прибыл подполковник Попов. Вместе с Павловским он занялся разработкой завершающей части операции по переводу "Советника" на сотрудничество с советскими органами государственной безопасности. Обсуждалось три варианта:

I. Вариант Павловского, предложенный им в своей докладной записке. (См. стр. 42). Учитывая заявление "Сафо" о его желании возвратиться на Родину, разрешить ему провести еще три-четыре встречи с "Советником", а затем передать агента другому оперативному работнику или агенту-нелегалу, который в течение трех-пяти месяцев поработал бы с ним от имени БНД, а затем взял бы на себя обязанность по его переводу на прямую связь с советской внешней разведкой.

Этот вариант Центр отклонил. Подполковник Попов в связи с этим указал Павловскому, что большим минусом этого варианта является то, что "Советнику" кроме "Сафо" станет известен еще один советский разведчик. В случае неудачи задуманной комбинации по привлечению "Советника" на нашу сторону органы государственной безопасности СССР теряли бы не одного, а сразу двух квалифицированных нелегалов. Вызывало также опасение, что, согласившись на работу с другим человеком, "Советник" станет еще больше верить тому, что он связан с БНД, окончательно убедится в этом и тогда его перевод на прямое сотрудничество с нами может стать в определенной степени опасным.

Нельзя было не учитывать также и нового обстоятельства, появившегося после вербовочной беседы с "Советником", на которой тот попросил "Сафо" не передавать его на связь другому человеку. Поэтому появляется опасность, что "Советник" может уклониться от работы с новым человеком, если даже и будет к этому времени достаточно втянут в разведывательную работу и закреплен компрометирующей его информацией.

При обсуждении этого варианта подполковник Попов поставил также и другой вопрос: "Советник" нас не выдаст, поскольку будет знать, что в наших руках находятся уличающие его материалы. Но душевная травма, которая будет нанесена ему нашими действиями, может оказаться настолько глубокой, что толкнет его на крайние меры. Ведь мы должны будем вопрос поставить прямо и сказать: "Все, что вы давали, находится у нас. Или вы работаете с нами, или эти материалы попадают в соответствующие органы вашей страны". Угроза, шантаж - столь ли необходимы такие вещи в данном случае? Допустим, "Советник" под давлением этих материалов согласится на сотрудничество с нами. Но позволитель-

но будет спросить, станет ли он передавать после подобной комбинации именно те материалы, которые нам нужны. Ведь он будет работать только и только из-за страха. А такой человек не способен будет передавать нам серьезную политическую информацию или пойдет на обман, когда такой информации у него не будет, и станет из-за страха подсовывать нам "липу". От этого варианта, видимо, придется отказаться".

2. Некоторые оперативные работники в Центре, имевшие отношение к этому делу, предлагали осуществить перевербовку "Советника" от имени советской разведки с использованием части поступивших от него материалов, которые якобы попали в руки органов государственной безопасности Советского Союза. Подполковник Попов отрицательно отнесся и к этому варианту, но, прежде чем отвергать, он хотел обсудить его с Павловским, который имел самое непосредственное отношение к делу "Советника", которое создавал своими руками.

Павловский также не одобрил этот вариант, так как, по его убеждению, при этом невозможно было избежать расшифровки "Сафо", причем расшифровки ничем не оправданной, бессмысленной. Такое мероприятие, не закрепляя "Советника" за нами, могло бы в то же время толкнуть его на самостоятельную связь с БНД помимо "Сафо", а это неминуемо кончилось бы провалом "Сафо" и всей разработки "Советника": время, усилия, средства, затраченные на работу по делу "Советника", - все в один момент могло бы полететь прахом.

И, наконец, нет никаких шансов на то, что "Советник", связавший свою судьбу с БНД и чувствующий за своей спиной такую сильную организацию, пойдет на сотрудничество с советской внешней разведкой, от чего он уже однажды категорически отказался.

– Итак, оба варианта отпадают, – констатировал подполковник Попов. – Значит, надо искать новый, более приемлемый и наиболее целесообразный в данных условиях вариант.

– А, может быть, еще несколько лет поработать с "Советником" от имени БНД, передав его на связь нелегалу. Большой опасности в этом нет, – сказал Павловский. – Раз все нити в наших руках, мы можем всегда выходить из любых затруднений. Даже если "Советник" потребует встречи с шефами из Пуллаха, мы можем подставить ему под видом этих шефов нашего работника или в Вене или в Мюнхене.

– Все, что вы говорите, верно, – заметил Попов. – Но ведь главное в переводе "Советника" на прямую связь с нами состоит не в оперативном, а в несколько ином смысле. Сейчас мы получаем от "Советника" некоторую информацию, интересную, но далеко не ту, которая нам нужна. В силу того, что мы выступаем перед ним как работники БНД, мы не можем поставить перед "Советником" такие, например, вопросы, как позиции ФРГ в отношении Австрии и Советского Союза. Мы не можем спросить его, а кто же, по его мнению, в МИДе Австрии, и в частности в его отделе, определяет политику Австрии в отношении социалистических государств, работает на немцев и по их указке. Короче говоря, мы не в силах, пока работаем с ним от имени БНД, получать от него то, что для нас особенно необходимо. Перевода "Советника" на прямую связь с нами не миновать. А поэтому давайте искать вместе что-либо новое.

Павловский, согласившись с доводами Попова, высказал некоторые соображения о проведении одной операции, оговорившись оразу, что его мысли еще недостаточно продуманы и что главным препятствием к принятию окончательного решения является мнение по этому делу "Сафо".

Этот вариант, по словам Павловского, был связан с задержкой "Сафо" за границей не меньше чем на год-полтора, на что "Сафо" мог не согласиться, так как последнее время он живет и работает, одержимый только одной мыслью - поскорее домой.

План Павловского, который он изложил Попову, состоял в следующем. Поскольку "Сафо" находится в довольно близких, можно сказать, приятельских отношениях с "Советником" и пользуется его доверием, то никто другой лучше, чем "Сафо", не мог бы подготовить "Советника" в течение нескольких месяцев или года к переводу его на прямую связь с советской внешней разведкой. Эта подготовка должна была бы заключаться не только в том, чтобы получить от него достаточную информацию, но и в том, чтобы постепенно раскрыть "Советнику" глаза на действительное положение вещей в Западной Германии, поколебать его веру в "демократические порядки" этой страны как надежды западной демократии, и таким образом в конце концов подвести его к мысли о нецелесообразности продолжения сотрудничества с Бундеснахрихтендинст и необходимости активной борьбы за самостоятельность и нейтралитет Австрии против политики аншлюса, проводящейся милитаристами Западной Германии.

Эта работа, по мнению Павловского, должна вестись так, чтобы "Сафо" постоянно настраивал "Советника" к разрыву с БНД и к сотрудничеству с советской внешней разведкой. Павловский считал, что таким путем можно будет избежать тех возможных последствий, о которых шла речь при разборе первого варианта.

- Эта мысль, - сказал Павловский, - пришла мне после тщательного анализа бесед "Сафо" с "Советником", особенно записанных на пленку. Оказалось, что "Сафо" в ходе ра-

боты с "Советником" иногда допускал отклонения от роли сотрудника БНД и довольно резко отзывался о порядках в Западной Германии. Если "Сафо" в дальнейшем будет вести обработку "Советника" в плане, о котором я говорил, то для самого "Советника" в этом не будет неожиданности. Он может воспринять это, как отражение взглядов "Сафо", которые раньше выражались в несколько сдержанной и, может быть, завуалированной форме.

После тщательного обсуждения предложения Павловского, Попов поддержал его, но внес дополнение о том, чтобы окончательную беседу с "Советником" проводил оперативный работник в присутствии "Сафо", который мог бы продолжить обработку "Советника" во время вербовочной беседы и поддержать оперативного работника или смягчить обстановку, если бы возникла такая необходимость.

Поскольку "Сафо" мог в связи с таким вариантом предъявить нам претензии, связанные с изменением первоначального плана и оттяжкой срока его возвращения в СССР, было решено, что очередную встречу с "Сафо" проведет подполковник Попов вместе с Павловским.

Обсудив все варианты возможного перевода "Советника" на прямую связь с советскими органами государственной безопасности, Павловский и Попов начали знакомство с последними материалами, поступившими от "Сафо" через тайник, и с присланным им тайнописным сообщением о ходе его работы с "Советником".

"Сафо" прислал пленки с записями двух его бесед с "Советником" по вопросам, которые были перед ним поставлены на вербовочной беседе. Как было видно из этого материала, "Советник" понял свою задачу и уже во время первых после вербовки встреч передал информацию о симпатизи-

рующих ФРГ сотрудниках МИДа Австрии и некоторых других министерств с подробными характеристиками на них, а также о сотрудниках восточного отдела МИДа, которые, по его мнению, могли бы оказать помощь западногерманской разведке.

Тайнописью "Сафо" докладывал, что работа с "Советником" развивается успешно, что он проинструктировал "Советника" в свете указаний Павловского и "Советник" воспринял эти рекомендации как необходимость. В конце информации "Сафо" указывал, что "Советник" на обеих проведенных с ним встречах вновь поднимал вопрос о том, чтобы "Сафо" не знакомил его с каким-либо другим сотрудником БНД. "На вас я смотрю не только как на разведчика, с которым я связан делом, но и как на своего друга, симпатичного мне человека, и поэтому мне будет легко работать с вами, особенно на первых порах" - заявил "Советник".

Информация "Сафо" еще раз убедила Попова и Павловского в правильности избранного ими варианта завершения комбинации по делу "Советника" - переводе его на прямую связь с советской внешней разведкой. К тому же в этом письме было и то, что давало оперативным работникам возможность убедить "Сафо" в необходимости отложить его возвращение на Родину до завершения начатой работы.

Встреча с "Сафо" состоялась 15 июня на той же конспиративной квартире, где и в прошлый раз. Доклад "Сафо" был небольшим, так как основные материалы он успел передать нам по каналам безличной связи. Единственным дополнением к известным нам материалам было, пожалуй, то, что "Советник", выполняя установку "Сафо", провел соответствующий разговор со своей женой, в процессе которого дал ей понять, что "Сафо" больше не будет бывать у них дома.

"Советник" сделал также первые шаги к тому, чтобы, не порывая связи со своими коллегами, симпатизирующими Западной Германии, сократить встречи с ними и не высказывать перед ними свои политические взгляды.

После доклада "Сафо" подполковник Попов предложил подобрать и обсудить наиболее приемлемый вариант плана завершения работы по делу "Советника", пригласив "Сафо" принять активное участие в этом обсуждении. Он попросил "Сафо" высказать свое мнение по двум вариантам, которые Попов и Павловский отвергли. Умело ставя вопросы, которые возникали, Попов и Павловский подвели "Сафо" к выводу о непригодности двух первых вариантов. Кстати сказать, при обсуждении этих вариантов и сам "Сафо" высказал ряд доводов против их осуществления, которые совпали с мнением оперативных работников.

"Сафо" высказался против предложенных вариантов. Попов поставил перед ним вопрос: "Где же тогда искать выход?"

"Сафо" предложил дать "Советнику" задание постараться получить назначение на работу в австрийское посольство в Москве. После выезда "Советника" в Москву продолжить с ним работу в СССР от имени БНД через него ("Сафо"). Однако при обсуждении этого варианта выяснилось, что рассчитывать на поездку в Москву "Советник" сможет не ранее, чем через год-два, поскольку австрийские дипломаты, занимающие в московском посольстве должности, соответствующие положению "Советника", находятся в Москве от полугода до полутора лет. В связи с этим завершение мероприятия по делу пришлось бы отложить на длительный срок. Кроме того, как сказал Попов, связаться, а потом встречаться с "Советником" в Москве от имени БНД было бы значительно труднее, имея в виду, что он сможет довольно легко проверить,

есть ли среди дипломатических и торговых представителей, а также среди иностранных журналистов человек, который будет выдавать себя за сотрудника БНД. Если "Советник" поймет, что его водят за нос, то все мероприятие может сорваться. "Наконец, - сказал Попов, - в Москве нельзя будет работать с "Советником" через "Сафо", так как в этом случае сведения о пребывании "Сафо" в Советском Союзе могут просочиться на Запад, и наша легенда исчезновения "Сафо" потерпит полное фиаско".

- А что если вам поручить это дело довести до конца? - спросил Павловский, обращаясь к "Сафо". - И завершить его здесь. Но для этого вам пришлось бы задержаться за границей несколько дольше, чем предполагалось. Вот послушайте.

И Павловский изложил "Сафо" в общих чертах тот вариант, на котором остановились наши оперативные работники.

"Сафо", выслушав доводы Попова и Павловского, согласился с тем, что из всех рассмотренных ими вариантов последний является лучшим. Он понимал также, что свою мечту о скорейшем возвращении на Родину, если принять этот вариант, придется отложить на год. Оперативные работники не торопили его с ответом, хотя были готовы употребить все свое умение, чтобы убедить "Сафо" в необходимости такого шага с его стороны. Но этого не потребовалось.

"Сафо", будучи всегда честным сам с собой, понимал, что не вправе оставить интересное и нужное дело на полдороге. Впоследствии, уже после возвращения на Родину, вспоминая эту встречу, он говорил:

- Мне сначала очень не хотелось затягивать свой отъезд домой. Я был готов к неожиданностям, но к такой - нет. Найти правильное решение и дать свое согласие на продол-

жение работы с "Советником" в новом плане мне помогли не столько мои личные черты характера, сколько сознание необходимости довести это очень интересное и нужное нам дело до конца. К тому же до этого я сам отверг три варианта, в том числе и предложенный мною. Я не мог отказаться от четвертого, от того, который в душе я сам принял.

Получив согласие "Сафо" на продолжение работы с "Советником", Попов и Павловский подробно обсудили с ним тактическую линию работы по разоружению "Советника", как сторонника ФРГ. Эта линия разрабатывалась с учетом того, что "Сафо" перед "Советником" выступал как объективный журналист и здравомыслящий человек, который, оставаясь патриотом Германии, не закрывает глаза на недостатки ФРГ как в экономике, так и в политике. Теперь "Сафо" предстояло постепенно усиливать свои критические настроения в беседах с "Советником", оказывая на него все большее влияние в направлении компрометации в его глазах существующего в ФРГ политического режима. Учитывая ненависть "Советника" к фашизму, в основу его обработки предполагалось положить факты, связанные с фашизацией политики и экономики Западной Германии, с возрождением там фашизма и милитаризма.

Действуя в соответствии с разработанным планом, "Сафо" в беседах с "Советником" постепенно усиливал критические нотки по адресу ФРГ, подвергая сначала сомнению правильность действий отдельных государственных деятелей Западной Германии по незначительным вопросам, затем опровергая экономические показатели развития ФРГ, так называемое "экономическое чудо", потом переходя к критике более общих внешнеполитических и экономических вопросов.

Так, в одной из бесед "Сафо" затронул тему о фашистских преступниках, засевших в западногерманском государ-

ственном аппарате. Основой для такого разговора послужила скандальная история с бывшим федеральным министром по делам беженцев Теодором Оберлендером, о котором в то время много писалось в мировой прессе и который в результате разоблачений его преступной деятельности в период второй мировой войны вынужден был уйти "в отставку".

Развивая эту тему, "Сафо" говорил, что он не может одобрить того, что правительство ФРГ прибегает к услугам военных преступников и бывших служащих гитлеровского государственного аппарата, что это наносит непоправимый ущерб немецкому народу и Германии, делает Германию мишенью для политических обвинений со стороны как социалистических стран, так и всех демократических сил Запада. Как бы в подтверждение своей мысли, "Сафо" называл имена генералов Шпейделя и Хойзингера, статс-секретаря Глобке, председателя федерального суда Янга и других представителей правящих кругов Западной Германии, на совести которых лежат тысячи напрасно загубленных жизней. Обо всем этом "Сафо" говорил с большим сожалением, как патриот, заинтересованный в том, чтобы с немецкого народа было в конце концов смыто пятно проклятия.

На другой встрече, развивая ту же тему, "Сафо" с жаром говорил о так называемом "нотштандгезетц" - законе

о чрезвычайном положении[x/], как о начале крупного наступления на демократические права немецкого народа, как закона, который в руки безответственных западногерманских политических и военных авантюристов дает оружие для установления режима диктатуры кучки монополистов и реваншистов, то есть для возрождения фашизма на законном основании.

В другой раз "Сафо" завел речь о засилье американского капитала в западногерманской экономике, о бесчинствах американской военщины в ФРГ, резко осуждал правителей Западной Германии за то, что они позволили американцам находиться в Западной Германии бесконечно долго и фактически отдали ее во власть оккупантов. "Сафо" с го-

---

[x/] "Нотштандгезетц" ("чрезвычайные законы") - серия проектов чрезвычайных законов (около 10-ти), подготовленных правительством Западной Германии вместо существующих якобы на случай обороны. Содержание всех проектов пока держится в строгом секрете. Но, по имеющимся сведениям, речь идет о замене существующих государственных институтов фактически диктаторскими. Например, под предлогом чрезвычайного положения предусматривается изменение действующей конституции и передача функций всего бундестага (парламента) ФРГ 22 депутатам. Этот эрзац-парламент будет наделен законодательными полномочиями, будет вводить по своему усмотрению чрезвычайное положение в стране, что ведет к установлению фашистской диктатуры. Упоминаются такие проекты законов: "о гражданской обороне", "о самообороне", "о строительстве убежищ", "о введении трудовой повинности", "о мобилизации транспортных средств", "о правах печати", и другие, по которым правительство будет иметь право отменять демократические права профсоюзов и других общественных организаций, в том числе право на забастовки и т.д.

В заявлении правительства ГДР от мая 1965 года эти проекты характеризуются как "новое издание гитлеровского закона о чрезвычайных полномочиях", как "ядро проводимой в Западной Германии подготовки к войне".

Чрезвычайные законы - орудие реакционных монополистических, реваншистских и милитаристских сил для подготовки ФРГ к новой войне, они обостряют положение внутри Германии, в Европе, а также ставят под угрозу дело мира во всем мире.

речью констатировал, что правительство ФРГ не имеет никакой самостоятельности в руководстве государством, так как подчинило свою политику Вашингтону. Конечно, все это не было для "Советника" чем-то новым, но заставляло его останавливаться именно на этих моментах, обращать внимание именно на теневые стороны положения в Западной Германии.

"Советник", внимательно слушая "Сафо", иногда к своему удивлению, замечал, что его высказывания напоминают выступления газет восточной зоны Германии[x]. Он говорил ему об этом. На что "Сафо" неизменно отвечал: "Я говорю с тобой, как друг и как разведчик, знающий, что к чему, а не как читатель восточных газет, в которых, кстати сказать, меня интересует лишь экономическая информация и не больше. Однако не моя вина, что эти газеты иногда пишут правильные вещи".

И так было почти на каждой встрече. Эти беседы, видимо, не пропали даром. Нельзя было сказать, что "Советник" был сломлен и встал на другую точку зрения, но он стал более внимательно слушать "Сафо", меньше возражать, даже вставлять свои замечания, спорить с ним по тем или иным вопросам. А на одной из встреч, когда "Сафо" снова завел речь о возрождении фашизма в Западной Германии, об экспансионистских выступлениях военного министра Штрауса и министра транспорта Зеебёма, "Советник" прямо поставил ему вопрос: "Если это так, как ты говоришь, то на кого же мы работаем? Ради чего я стараюсь? Ведь я шел помогать демократам, а выходит - помогаю фашистам".

---

[x] Так в реакционной печати Западной Германии и в капиталистических государствах Европы называют территорию Германской Демократической Республики.

Чтобы сдержать "Советника" и не оттолкнуть его от себя, "Сафо" ответил: "Пока мы служим той Германии, которую хотим с тобой видеть".

Эта беседа с "Советником" была, пожалуй, кульминационной: по характеру поставленного "Советником" вопроса было видно, что у него зародились сомнения.

Поэтому на очередной встрече с "Сафо", которую проводил Павловский, было решено приступить к окончательной обработке "Советника", к тому этапу, который должен был подвести "Советника" к мысли о необходимости порвать с западногерманской разведкой. "Сафо" выполнил это задание. Несколько встреч с "Советником" он провел накоротке, извинившись, что не располагает временем. На этих встречах он вел себя сдержанно, был угрюм и задумчив, на вопросы "Советника" отвечал невпопад. Однажды он назначил "Советнику" встречу у себя на квартире. Здесь за коньяком он "разоткровенничался", жаловался "Советнику" на свою судьбу, на крах своих идеалов, на то, что работа во время войны в "Абвере", а затем в БНД сделала его несчастным человеком.

Усталость, подавленность, звучавшие в голосе "Сафо", производили большое впечатление на "Советника". Он и сам не заметил, как поддался этому настроению "Сафо". А может быть, и на него возымели свое действие коньячные пары?

"Сафо", продолжая свои излияния, зорко наблюдал за "Советником", за его настроением, готовый в любую минуту или подлить масла в огонь разочарования, или вовремя погасить его.

Заметив, что "Советник" все больше поддается пессимистическим настроениям, "Сафо" продолжал его обработку.

Как бы в порыве откровенности он стал жаловаться на то, что его обходят в чинах и наградах, длительное время не повышают зарплату, стал во всю ругать шефов из Пуллаха, не замечающих его работы. "Ты мне друг, - обратился он к "Советнику", - подскажи, что делать, куда пойти. Германия, моя Германия, которой я отдал лучшие годы своей жизни, опять рушится, все возвращается к старому. День и ночь солдат гоняют по плацу, муштруют до потери сознания. Западная Германия становится большой казармой. На людей готовятся сбросить атомную бомбу, Австрию снова хотят захватить, сделать своим придатком. Фашисты везде - сверху донизу. Я устал, дорогой мой Ганс. Что-то нужно делать".

"Советник" промолчал. Он сидел в кресле, низко опустив голову и потирая виски. Наконец он выпрямился, потянулся, расправляя затекшие члены, и с трудом произнес: "Вряд ли я могу тебе что-нибудь посоветовать сейчас. Мы с тобой, кажется, немного переборщили и, не заметив, выпили ту рюмку, которая оказалась лишней. Я не все еще понял из твоего рассказа и не во всем разобрался. К тому же у меня чертовски болит голова. Давай разойдемся сегодня и доведем этот разговор до конца на свежую голову..."

"Сафо" не стал удерживать "Советника" и вместе с ним вышел на улицу. Усадив "Советника" в такси, "Сафо" возвратился домой, но через полчаса снова вышел, сел в свою машину и уехал за город к своей знакомой. Дома в этот раз во избежание возможных неприятностей он не ночевал.

Хотя "Сафо" и был уверен, что даже после такой откровенной беседы "Советник" не пойдет никуда с доносом на него, ибо в этом случае он ставил бы под удар себя,

все же меры безопасности необходимо было принять. Тем более, Павловский, вместе с которым "Сафо" разрабатывал сцену "откровения", как они ее назвали, строго настрого предупредил "Сафо" о том, чтобы он не оставался на своей квартире до выяснения обстоятельств дела.

На следующий день, убедившись, что по месту его жительства все спокойно, "Сафо" позвонил "Советнику" и по телефону попросил его забыть о вчерашнем разговоре. Одновременно он договорился о встрече с "Советником" вечером в ресторане "Захер", расположенном в центре Вены.

Следует отметить, что на этот раз "Советник" без особой охоты согласился встретиться с "Сафо". Видимо, высказывания "Сафо" оставили у него неприятный осадок. Все же после настойчивой просьбы "Сафо" он дал согласие на встречу, оговорив, что долго с ним пробыть не сможет.

На встрече "Советник" сначала держал себя неуверенно, отделывался молчанием и только после того, как "Сафо" снова попросил его не вспоминать вчерашнего и забыть его болтовню, "Советник" немного разговорился. Он выразил удивление поведением "Сафо", заявил, что никогда не мог подумать, что услышит от него подобные высказывания. "Сафо", сославшись на то, что не все помнит из вчерашнего разговора, попросил "Советника" рассказать о подробностях. Конечно, "Сафо" не было необходимости "вспоминать", так как он прекрасно все помнил, но выяснить, что именно произвело на "Советника" такое удручающее впечатление, следовало, так как это давало ему возможность в дальнейшем правильно строить беседу. Оказалось, что на "Советника" подействовали не сами высказывания "Сафо", с которыми он в той или иной форме познакомился раньше, а совершенно иная постановка вопроса и сам тон, которым "Сафо" произносил в общем-то привычные для "Советника" фразы, тон раскаяния, нетерпимости, пессимизма и даже ненависти.

"Советник" сказал далее, что после вчерашнего разговора он хотел было прекратить встречи с "Сафо", но теперь заколебался, так как видит, что на "Сафо" повлияли личные неприятности, связанные с его работой и отношением к нему его начальников. "Советник" заявил, что хорошо понимает "Сафо", как человека, хотя и не думал, что личные невзгоды могут выявляться в такой форме, как это было накануне.

Отвечая на эти совершенно искренние слова "Советника", "Сафо" заметил, что неприятностей у него нет, но в жизни его действительно произошло нечто, что несколько выбило его из нормальной колеи. "Но теперь, - сказал "Сафо", - я успокоился. Вчера была вспышка после одной встречи, а сегодня все встало на свое место. Если не будет возражений, мы могли бы через некоторое время встретиться и я все рассказал бы тебе".

"Советник" не стал возражать против предложения "Сафо", хотя ему и хотелось сразу выяснить суть дела. По поведению "Советника" в конце встречи было видно, что беседа с "Сафо" подействовала на него успокаивающе, в его обращении к "Сафо", как и прежде, не было сдержанности, которая проявлялась в начале их пребывания в "Захере".

Чтобы еще больше успокоить "Советника" и не вызывать у него ненужных подозрений, "Сафо", прежде чем разойтись, дал ему задание по получению дополнительной информации о деятельности тех лиц, которые симпатизируют ФРГ.

Через неделю "Советник" и "Сафо" встретились в небольшом загородном ресторане. "Советник" вел себя непринужденно, много шутил, смеялся, словом, держался так, как будто бы между ними ничего не произошло. Он проинформировал "Сафо" по ряду вопросов деятельности МИДа и даже передал ему для ознакомления несколько служебных документов.

Когда деловая часть беседы закончилась, завязался непринужденный разговор, в процессе которого "Советник" поинтересовался, что же все-таки вывело "Сафо" из себя и толкнуло его в омут пессимизма. "Сафо", заранее подготовившийся к подобному разговору, рассказал "Советнику", что не так давно он был на приеме в финском посольстве в Вене, где имел возможность познакомиться с одним советским журналистом и подробно побеседовать с ним по экономическим и политическим вопросам.

"Когда разговор коснулся внешней политики ФРГ, - рассказывал "Сафо", - то русский отметил, что в этом плане западногерманское правительство отводит серьезную роль Бундеснахрихтендинст, и в доказательство показал мне книгу "Ди грауе Ханд"[x], изданную в Восточной зоне Германии. Я попросил эту книгу, и русский охотно дал ее мне. Самое печальное в этой книге то, что все написанное в ней - чистейшая правда. Вот эта книга и взволновала меня, напомнила мне о том, что я старался забыть, и привела к такому подавленному состоянию".

"Сафо" вынул из портфеля и передал книгу "Советнику", посоветовав обязательно прочитать ее, а затем встретиться и поговорить снова на эту же тему.

Так, постепенно, от встречи к встрече велась идеологическая обработка "Советника". Почти год потребовался нашим оперативным работникам и "Сафо" для того, чтобы подвести "Советника" к той невидимой черте, преступив которую, "Советник" мог бы стать на путь сотрудничества с советской внешней разведкой.

---

[x] "Серая рука", книга написана Юлиусом Мадером, разоблачает деятельность западногерманской разведки. Вышла в ГДР в 1962 году. Переведена и издана на русском языке.

... Началась работа по завершению оперативной комбинации. План вывода "Сафо" в Советский Союз был подготовлен заранее. Планом предусматривалось, что на следующий день после завершения вербовочных мероприятий по "Советнику" "Сафо" должен был по документам английского гражданина выехать в Прагу, а оттуда в Советский Союз.

Это было необходимо сделать, так как в случае предательства "Советника" "Сафо" первым подвергался опасности и мог быть арестован австрийской политической полицией. Хотя наши оперативные работники и были убеждены в том, что "Советник", в связи с наличием у нас серьезных компрометирующих его материалов, не пойдет на предательство, такая предосторожность была не лишней.

Чтобы легендировать исчезновение "Сафо" перед западногерманской разведкой и перед его окружением по работе в газете, было предусмотрено, что он выехал за океан. Эта легенда, на которой после долгих и обстоятельных обсуждений решено было остановиться, состояла в следующем.

"Сафо" инсценирует разрыв с Бундеснахрихтендинст и отъезд из Европы за океан. Об этом он известит письмом своих шефов из Пуллаха, отправив его на известный "Сафо" конспиративный адрес геленовской разведки в Мюнхене. В этом письме "Сафо" укажет, что его долголетняя служба в западногерманской разведке подорвала его здоровье и ничего не дала ему взамен, что он остался без семьи, чувствует моральную неудовлетворенность, что в нем созрело стремление устроить, наконец, свою личную жизнь вдали от людской сутолоки и заняться писательским трудом. Далее "Сафо" писал, что он никогда и никому не расскажет о своих связях со службой Гелена и о тех заданиях, которые он выполнял для нее, что он останется честным перед своими

шефами и заверяет их, что все известные ему секреты умрут вместе с ним.

Одновременно с этим "Сафо" подготавливает краткое письмо в редакцию газеты "Винер тагесцейтунг", в котором предупреждает редактора о разрыве контракта с газетой и прекращении журналистской деятельности.

Письма "Сафо" заблаговременно пересылаются в резидентуру советской внешней разведки в Оттаве, которая по сигналу Центра отправит их обычной почтой из Торонто.

Для закрепления этой легенды предусматривалось, что, купив билет на самолет Вена - Монреаль, "Сафо" проведет встречу с агентом "Гешке", который пользовался доверием в БНД, и в процессе беседы как бы невзначай покажет ему этот билет. Если "Гешке" проявит к этому интерес, "Сафо" скажет, что по заданию шефа отлучается на две недели за океан. Чтобы не вызвать у "Гешке" подозрений, назначит ему очередную встречу в Вене после возвращения из предполагаемой поездки.

Одновременно с этим имелось в виду с личными документами "Сафо" по приобретенному им билету направить в Канаду его двойника, чтобы тот оставил "следы" на контрольно-пропускных пунктах в городах Вене и Монреале. Из Монреаля двойник должен был выехать в Торонто, переночевать в гостинице и затем, пользуясь другими документами, покинуть Канаду.

Таким образом, если бы западногерманская разведка начала поиски "Сафо", она могла бы зафиксировать его вылет из Вены в Канаду, остановку в торонтской гостинице, получить соответствующую информацию от "Гешке" и из редакции "Винер тагесцейтунг". Для большей достоверности двойник был подобран примерно одного с "Сафо" возраста и такой же комплекции.

За период между встречами с "Советником" были проведены все подготовительные мероприятия по легендированию отъезда "Сафо" за океан. В резидентуру КГБ СССР в Оттаву был сообщен рейс самолета и дата его вылета из Вены и предложено отправить письма "Сафо" на следующий день после прибытия самолета в Канаду и получения на условленном маршруте в Торонто сигнала, разрешающего проведение операции.

Встреча с "Советником" состоялась 27 марта 1962 года на конспиративной квартире нашей резидентуры в Вене, куда "Сафо" привел "Советника" с места встречи в городе.

На квартире их ждал подполковник Попов, который радушно поздоровался с "Советником" и "Сафо" и предложил им сесть в удобные мягкие кресла, стоявшие вокруг небольшого столика.

В начале беседы Попов поинтересовался самочувствием "Советника", здоровьем его жены и ребенка, его служебными делами. Попов, пробывший длительное время на нелегальной работе в Баварии, говорил на немецком языке безукоризненно, иногда умышленно вставляя в свою речь характерные для баварцев-простолюдинов словечки. Поэтому "Советник" сначала не мог понять, с кем имеет дело.

Когда светскую часть беседы по правилам этикета можно было считать исчерпанной, подполковник Попов сказал:

– Господин "Сафо" много рассказывал нам о вас, о ваших настроениях и взглядах. Он говорил, что с тех пор, как вы начали с ним встречаться, ваши взгляды претерпели значительные изменения, что вы чаще стали думать о нейтральной Австрии, о силе нейтралистского духа и все больше убеждаться в том, что Западная Германия может принести только новую оккупацию австрийскому народу, а никак не благополучие...

– Да, господин "Сафо" правильно подметил некоторые изменения в моих настроениях и взглядах, – перебил Попова "Советник". – Но, прежде чем продолжать разговор, мне хотелось бы сказать, что господин "Сафо" за последний год сам значительно изменился. Кроме того, позволительно ли будет мне узнать, с кем мне предоставлена честь беседовать, так как начало разговора мне кажется несколько необычным и даже странным.

– Разве господин "Сафо" не рассказывал вам, что произошло с ним в последнее время? Нет? Как же так, господин "Сафо", ведь мы же с вами говорили об этом...

– Видишь ли, Ганс, – начал "Сафо", – я хотел это сделать давно, но не находил повода, чтобы объясниться. Как-то я попытался это сделать, но мне показалось, что ты не всё понимаешь... Дело в том, дорогой Ганс, что я, как ты знаешь, и раньше был критически настроен в отношении ФРГ, ее политики и ее государственных деятелей. Но все же я долго жил иллюзиями о том, что это переменится к лучшему, что внутри Западной Германии найдутся силы, которые поведут ее по пути демократии, и поэтому стремился честно служить интересам своего народа, сотрудничая с германской разведкой.

Я был убежден, как и многие немцы, разгромленные русскими, что именно оттуда грозит опасность немецкому народу, и поэтому долгие годы считал своей святой обязанностью работать против них. Это убеждение подкреплялось еще и тем, что во время пребывания на Востоке я видел вокруг себя только врагов и был уверен, что русские и сейчас остаются такими же врагами немцев, как и во время войны.

Но годы шли. Я стал не только разведчиком, но еще и журналистом, и по роду своей работы мне часто приходилось сталкиваться то на приемах, то на пресс-конференциях, то в компаниях с русскими собратьями по перу. Та встреча, о которой я тебе уже рассказывал, была последней из таких встреч, но не первой и тем более не единственной. Русские оказались не такими уж плохими парнями, как их расписывали мне раньше.

Их доводы казались мне не всегда правильными. Но в отличие от других моих коллег я старался проверять утверждения русских жизнью, а не отбрасывать их сходу, как пропагандистские. И вот жизнь заставила меня убедиться в правоте русских, которые с уважением относились к немецкому народу и с ненавистью к фашизму, и пересмотреть свое мнение относительно того, что творится в моей стране.

"Советник" внимательно слушал "Сафо", стремясь уловить главное в его "исповеди". Лицо его было сосредоточено, на скулах от напряжения вздулись желваки. Он, может быть, и хотел скрыть свое волнение в ожидании непредвиденного, но вся его поза свидетельствовала о том, что он с нетерпением ожидает главного.

– Я не буду повторять тебе всего, о чем много раз говорил, – продолжал "Сафо", – но должен только сказать, что мне, как разведчику и журналисту, было легче, чем кому бы то ни было, разглядеть язвы, которые разъедают Западную Германию, язвы незаживающие, поражающие все новые и новые части организма. Это фашизм, это подготовка новой бойни, национализм, призывы к реваншу, открытые выступления милитаристских и неофашистских союзов, это систематическое оболванивание народа. А рядом с этим преследование антифашистов, демократов, просто людей, кото-

рые не хотят войны. Посмотри, как правители ФРГ третируют ученых, выступающих против атомной бомбы, как преследуют священника Нимёллера[x] за его протесты против политики войны. И это на каждом шагу, в каждом городе и в каждой сельской общине.

Дорогой Ганс, мне становится стыдно за то, что мы, немцы, ничему не научились. И я, наконец, пришел к выводу, что надо порвать с генералом Геленом, навсегда прекратить помощь внутренним врагам моей родины - фашистам. Так был сделан мой первый шаг. Второй шаг я сделал, когда понял необходимость не простого спокойного созерцания окружающего, а активной борьбы за действительно демократическую Германию, против реваншистов, против всех этих штраусов, леммеров, зеебомов, хойзингеров, треттнеров, глобке и иже с ними, захвативших с помощью американцев власть в моей стране. Второй шаг привел меня вот сюда, к ним...

---

[x] Нимёллер Мартин - общественный деятель Западной Германии, пастор, бывший президент евангелической церкви земли Гессен и Нассау (ФРГ), активный пропагандист идеи мира, противник гонки вооружений и подготовки к войне. Смело критиковал боннское правительство за стремление любой ценой вооружить бундесвер атомным оружием, выступал за запрещение атомного оружия и прекращение испытания всех видов оружия массового уничтожения, против размещения в Западной Германии атомных баз. В связи с этим с 1959 года против Нимёллера поднялась злобная кампания и травля как в Западной Германии, так и в странах НАТО. Бывший военный министр ФРГ Штраус в 1959 году возбудил против Нимёллера даже судебное дело за "оскорбление бундесвера". Во время первой мировой войны Нимёллер - морской офицер, в период фашизма в Германии - участник движения сопротивления, антифашист, 8 лет находился в концлагере.

– К русским!? – выдавил из себя "Советник". – И ты, ты хочешь, чтобы я последовал за тобой? После того, как ты уже вовлек меня в работу на другую сторону. Это выше моих сил!...

– Господин "Советник", – вмешался Попов. – Не надо горячиться. Уйти вы всегда успеете. Это в вашей власти. Но, уверяю вас, то, что вы услышали и еще услышите, может представиться только раз в жизни и может очень вам пригодиться. Речь ведь идет не о русских или немцах, а об угрозе фашизма и новой истребительной войне для всех народов, в том числе и для австрийского. В конечном итоге речь идет о действительных и мнимых друзьях Австрии. Не делайте, пожалуйста, поспешных выводов. Давайте лучше послушаем, что нам еще скажет господин "Сафо".

Продолжая свое повествование дальше, "Сафо" рассказал о том, как в поисках союзников в борьбе за демократическую Германию он пришел к русским, в лице которых увидел людей, действительно озабоченных судьбами Европы и немецкого народа, в частности их безопасностью и благополучием. "Сафо" говорил, что он пришел к русским не для того, чтобы служить им, чтобы вместе с ними бороться против милитаризма и фашизма, возродившегося в западной части Германии. Говорил, что он, как честный союзник, уже внес вклад в это святое дело и решил на протяжении всей своей дальнейшей жизни сделать все, чтобы помочь каждому, кто борется против смерти, за жизнь и счастье людей.

"Сафо" говорил страстно, иногда сбиваясь на пафос, но так искренне и с таким убеждением в правильности своего выбора, что "Советник", несмотря на испытанное недавно возбуждение, слушал его с неменьшим вниманием, чем в начале беседы. Только, когда он услышал упоминание "Са-

фо" о внесенном им ("Советником") "вкладе", он с еле сдерживаемым волнением спросил:

- О каком моем вкладе ты говоришь?

- Я рассказал русским все, что знал о замыслах геленовской разведывательной службы против них и против Австрии. Я рассказал им о тех агентах, которые были со мной связаны и работают в государственных учреждениях Австрии, я передал им все материалы этих агентов, которые в копиях всегда хранились у меня на квартире в потайном сейфе.

- И обо мне тоже?

- Господин "Сафо", - снова вмешался Попов, - никогда не говорил о вас, как об агенте. Он всегда называл вас своим другом, которому хотел искренне помочь. И это ему, кажется, удалось. Не так ли, господин "Сафо"?

- Да. Господа из Пуллаха долго наседали на меня с требованием завербовать тебя, Ганс, и любыми путями привлечь к сотрудничеству. Я не мог не выполнить этого требования, но в то же время я не хотел ставить тебя под удар и толкать туда, к чему моя душа уже не лежала. Я пошел на то, чтобы фальсифицировать нашу с тобой беседу, в которой ты якобы обещал помогать Пуллаху. Говоря честно, я не думал, что ты пойдешь на это. Но ты, как я понял, сделал это в основном потому, что находился в сильно стесненном материальном положении. Но я знал твою гордость и понимал, что систематически принимать от меня деньги ты бы не стал, если бы я не предложил тебе работу. Чтобы отвести от тебя удар и самому выйти сухим из воды, я пошел на то, чтобы доложить своим хозяевам о твоем отказе сотрудничать с разведкой ФРГ. Этим шагом я, может быть, спасал больше себя, чем тебя, поскольку уже в

то время я понимал, что рано или поздно брошу работу, которой занимался без малого два десятка лет. И мне не хотелось, чтобы после меня к тебе пришел бы какой-нибудь филестеришка в эсэсовском мундире и искалечил тебя. Ну а потом?.. Потом я пришел сюда, рассказал обо всем и о тебе тоже. Русские поняли мой шаг, поддержали меня, помогли советом и попросили сделать так, чтобы разъяснить тебе суть твоих заблуждений, показать истинное лицо западногерманской демократии, где демократы, как бы они ни назывались - христианские или социалисты, - выступают заодно с поднявшим голову фашизмом. По мере моих сил я старался это сделать, ибо просьба русских совпала полностью с моими желаниями.

- Господин "Советник" мог бы послушать запись его беседы с господином "Сафо", которая была переправлена в Пуллах, как доказательство того, что господин "Советник" отвергает предложение Бундеснахрихтендинст, - сказал Попов.

Включили магнитофон.

Слушая свою и не свою беседу с "Сафо", "Советник" низко склонил голову над столом, обхватил ее руками и, казалось, ни о чем не думал. Что творилось у него в этот момент на душе, трудно было сказать, но что это было тяжело для него, не вызывало никаких сомнений. Когда магнитофон смолк, "Советник", не меняя позы, попросил: "Дальше, рассказывай дальше. Теперь мне уже все равно. От того, что есть, не уйдешь".

- А дальше, - вместо "Сафо" начал Попов, - было так...

- Нет, пусть рассказывает "Сафо".

- Дальше я встречался с тобой, - продолжал "Сафо", - получал от тебя информацию, но не отправлял ее в Пуллах от твоего имени, ибо ты для Гелена не существовал. Я включал ее в сообщения других агентов, выдавал за сведения, полученные от знакомых и случайных связей. Я делал это, чтобы поддержать видимость работы, чтобы раньше времени не выдавать своих взглядов, а главное намерений. Иначе мне могли бы грозить большие неприятности. Ведь в БНД на расправу скоры. Позже, когда я встретился с русскими, я стал передавать твою информацию им, так что твоя работа не пропала даром. Более того, она уже принесла и принесет немало пользы и Австрии, и другим странам Европы. А если ты станешь в один ряд с нами, с теми, кто против фашизма, кто хочет мира и счастья своим близким, друзьям, своему народу, то ты сможешь принести еще больше пользы нашему общему делу.

- Значит, я теперь в ваших руках, - тяжело подняв голову, проговорил "Советник", обращаясь к Попову. - Господин "Сафо" вызволил меня из одного места, а привел в другое. Я хочу верить, что "Сафо" действовал искренне, желая мне хорошего. Но надо было бы все-таки узнать и мое мнение, прежде чем рассказывать обо мне, передавать мои сообщения, записи бесед со мной господину полковнику. А теперь я связан по рукам и ногам, и если бы даже не хотел сотрудничать, то, видимо, придется...

В разговор вмешался подполковник Попов. Он заявил, что советская сторона весьма положительно оценивает ту информацию, которую она получила от "Советника" через "Сафо", и надеется, что "Советник" примет решение об оказании дальнейшей помощи советским органам в обоюдных интересах.

– Мы, – сказал Попов, – не хотим вас принуждать к сотрудничеству с нами. Наше желание состоит в том, чтобы вы сами приняли это решение, ибо только при таком условии возможно плодотворное сотрудничество. Обстоятельства сложились так, что в наших руках оказались некоторые ваши материалы, но у нас нет намерений с помощью этих материалов давить на вас и вынуждать к совместной работе. Мы считаем, что ваши взгляды претерпели достаточные изменения, чтобы вы сами смогли правильно оценить то, что творится в современном мире, и сознательно выбрать себе место в борьбе народов против новой военной опасности. Мы хотели бы, чтобы вы оказались в одном ряду с нами.

На это заявление Попова "Советник" возразил, сказав, что его однажды вербовала советская разведка и что он тогда отказался от сотрудничества по мотивам, которые должны быть известны господину Попову. Попов в связи с этим разъяснил "Советнику", что он в настоящее время не ведет разговор о вербовке и не собирается ставить "Советника" в положение своего агента, а смотрит на него, как на возможного союзника по борьбе против фашизма. Кроме того, в период, когда с "Советником" велась первая беседа, он стоял на иных позициях и не видел еще всего, что делается в ФРГ, которую он считал образцом демократии. Теперь другое дело: "Советник" разобрался во многих вопросах, его взгляды если не в корне, то все же значительно изменились, что дало основание советским органам сделать "Советнику" предложение о сотрудничестве.

Вербовочная беседа с "Советником" продолжалась около пяти часов. "Советник" то успокаивался и обсуждал вопросы сотрудничества с нами, то снова возвращался к уже рассмотренным вопросам, уточнял некоторые моменты из

рассказа "Сафо" и объяснений Попова, стремясь, как он говорил, вполне осознать свое новое положение и ту роль, которая будет ему отводиться в дальнейшей работе с советской разведкой. Хотя ни Попов, ни "Сафо" в беседе с "Советником" преднамеренно не упоминали о сотрудничестве с органами государственной безопасности, чтобы лишний раз не травмировать "Советника", сам он, казалось, ни на минуту не сомневался в том, с кем имеет дело, и первым упомянул о советской разведке. Разубеждать "Советника" в этом не было необходимости, так как осознание им связи с органами государственной безопасности Советского Союза еще крепче привязывало его к нам.

В заключение вербовочной беседы с "Советником", когда от него было получено согласие на сотрудничество и обговорены основные направления работы, Попов договорился с ним о следующей встрече, не ставя пока перед ним разведывательных задач. Встреча с ним была назначена через три дня.

На следующий день после беседы с "Советником" "Сафо" благополучно выехал в Чехословакию, а оттуда в Москву. На своей квартире он не ночевал, еще двумя днями раньше предупредив хозяйку о своем отъезде, рассчитался с ней и забрал необходимые вещи, которых, кстати сказать, у него было не так уж много.

Установленное силами резидентуры наблюдение за бывшей квартирой "Сафо" показало, что австрийская полиция не приняла каких-либо мер по проверке "Сафо". Это свидетельствовало о том, что "Советник" никому не рассказывал о нашей беседе с ним. В связи с этим двойнику "Сафо" был подан сигнал, разрешающий выполнение задания.

Через день Попов и Павловский получили сообщение о том, что "Сафо" благополучно возвратился на Родину и что его письма отправлены из Торонто по назначению.

Всё было сделано в соответствии с разработанным планом.

Впереди предстояла работа с "Советником", морально надломленным человеком, согласившимся на сотрудничество с советской внешней разведкой, видимо, больше под давлением обстоятельств и улик, чем по личному убеждению. Будущее должно было показать, насколько решительным было "да", сказанное "Советником" Попову.

На очередную встречу "Советник" не вышел. Не появился он и на другой день (на запасную встречу), как это было предусмотрено условиями связи с ним. Дело, начатое и почти завершенное с таким трудом, оказалось опять в тяжелом положении. В связи с этим было принято решение проверить, что творится с "Советником" и каково его положение, постараться выяснить, не сообщил ли он о своей вербовке советской внешней разведкой в местные специальные службы, и только после этого попытаться вызвать его на встречу от имени "Сафо" по служебному телефону.

Агентура, с которой беседовали наши работники, сообщила, что "Советник" в течение двух дней не является на работу. У квартирохозяйки "Сафо", с которой под благовидным предлогом и от имени "Сафо" встретился Павловский, удалось выяснить, что по месту жительства "Сафо" все обстоит благополучно и что "Сафо" в последние дни никто не интересовался. Предположение о том, что "Советник" мог сообщить в полицию о "Сафо", отпадало. А через пять дней были получены данные, что "Советник" заболел и находится дома. У Попова и Павловского сразу отлегло от сердца.

Через несколько дней после того, как "Советник" поправился, Попов перехватил его на маршруте следования на работу и назначил встречу в тот же день вечером около моста через дунайский канал на улице Мария-Хильфер штрассе. Эта встреча была тщательно подготовлена. Планом ее проведения предусматривалось контрнаблюдение за местом встречи, за Поповым и самим "Советником" после того, как он от моста направится в загородный ресторан "Талер" по дороге на Баден, который был заранее подобран для беседы.

"Советник" был взят под наружное наблюдение недалеко от места встречи, где он оставил свою машину. Наружное наблюдение за ним показало, что за его машиной нет слежки. То же самое зафиксировали и работники нашей резидентуры, которые наблюдали за Поповым. Они подали ему сигнал об отсутствии опасности.

В ресторане "Талер" было немного публики. Попов вошел в уютный зал первым и, выбрав себе место за столиком в углу, откуда был хорошо виден весь зал ресторана и вход, осмотрелся. Сидевший в некотором отдалении от него наш оперативный работник, контролировавший встречу в ресторане, условным знаком проинформировал его о том, что все благополучно.

Вскоре к Попову присоединился "Советник". Он был бледен и несколько осунулся за время болезни. Попова он приветствовал легкой улыбкой. На его расспросы о здоровье отвечал просто, а когда Попов сказал, что он очень рад, что "Советник" здоров, пошутил:

– Вы, наверное, больше волновались из-за того, что я могу вас предать.

Попов на это прямо заявил "Советнику", что такие опасения у него были до тех пор, пока он не узнал, что

"Советник" болен и только из-за этого не смог прийти на свидание.

Попов не затрагивал в этой беседе с "Советником" вопросов, связанных с получением информации, так как задача этой встречи состояла лишь в том, чтобы укрепить веру агента в правильность принятого им решения, заложить основы для установления хороших личных отношений с ним. Попов был "честен" и откровенен с "Советником". Беседовал с ним, как равный с равным, просил у него совета по некоторым малозначительным вопросам, внимательно выслушивал мнение "Советника" о перспективах совместной работы, одобрял его, где это было целесообразно, или в тактичной форме разъяснял ошибочность того или иного его высказывания.

В конце встречи "Советник" тоже откровенно заявил: "Я согласился оказывать вам помощь, но скажу прямо, не из-за сходства наших убеждений, а из-за того, что у вас слишком много на меня материалов. Но я хотел бы лучше почувствовать ваши взгляды, ваше мировоззрение, понять вас. Возможно, когда-нибудь я смогу стать и вашим идейным другом. Но дайте мне самому пройти этот путь и, пожалуйста, не прибегайте к агитационным беседам со мной. Не навязывайте мне того, что я пока не могу принять.

Эта просьба "Советника" была учтена в дальнейшей работе с ним. Наши оперативные работники считали целесообразным не торопиться с "перевоспитанием" агента, но на каждой встрече тонко и ненавязчиво, если нужно с фактами и цифрами, с документами в руках показывали "Советнику" несостоятельность его взглядов по тем или иным вопросам и укрепляли в нем мнение о том, что он является равноправным союзником советской внешней разведки в ее борьбе с врагами мира и прогресса.

На первых порах предусматривалось не ставить перед "Советником" каких-либо разведывательных заданий, а информацию получать во время бесед с ним. Было решено, чтобы не отталкивать его от нас, пока не требовать от него письменных материалов. В дальнейшем предполагалось некоторые старые сообщения "Советника", хранившиеся в наших органах, возвратить ему или уничтожить в его присутствии (оставив, конечно, фотокопии с них в его рабочем деле) и тем самым показать, что мы ему доверяем.

Поскольку "Советник" на работе с советской внешней разведкой не был достаточно закреплен и проверен, было решено на связь резидентуре его временно не передавать, а для работы с ним в Вене оставить подполковника Попова.

В соответствии с этим планом и велась вся дальнейшая работа с "Советником" до тех пор, пока от него не стала поступать важная информация, в том числе и документы, касающиеся государственных секретов Австрии. Затем Попов связал "Советника" с работником венской резидентуры, а сам возвратился в Москву, где его с нетерпением ожидал майор Павловский, "Сафо", товарищи по работе и новые дела.

"Советник" продолжает работать и сейчас. Он прочно стоит в одном ряду с нами, по нашу сторону баррикад.
